

КРАСНЫЙ

ЩЕДРИНЦ

№ 2

Эмор

сатира

пародии

абсурдистика

1986

Ленинград

"О, как нам нужны беспрестанные щелчки и этот оскорбительный тон, и эти единые, принимающие нас сквозь насмешки! Не для души нашей столько таятся всякого маленького, ничтожного самолюбия, честолюбия, ослепленного честолюбия, что нас ежеминутно следует колотить, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку."

Н. Гоголь

ЧИТАТЕЛЬ

ОТКЛИКАЕТСЯ

*****

Появление малотиражного, малогабаритного издания "Красный щедривец" вызвало лишь малозаметные сдвиги в общественном сознании. Нам с трудом удалось получить несколько мало-выразительных реплик по поводу этого события. Некоторые спрашивали: "Ну, зачем вам это нужно?" и было как-то трудно в ответ говорить о трудностях роста нового, опасностях псевдонимшификации и т. д. Другие же так стилизовали ответы под высказывания выдающихся людей, что трудно было понять их личное - искреннее отношение к новому делу. Например: "Очень нужный и своевременный журнал. Многие посредством "щедридца" более сознательно станут относиться к выполнению своих служебных обязанностей", "Жить стало лучше, жить стало веселей!", "Так держать!".

Разному поощению подверглись все без исключения материалы "Щ". Это помогло нам среди читателей выявить новые сатирические таланты, некоторые из них пробуют силы в Щ В 2. Большинство читателей основные усилия при ознакомлении с "Щедрицем" направили на расшифровку псевдонимов. При этом некоторые паспортные фамилии они идентифицировали с псевдонимами лиц, которых они будто бы знают.

- Интересно, кто стоит за очерком "Митьки"?

- Шикарев.

- Может быть и Пивнова дадут по городской справке?

- А почему бы и нет.

- Не хитрите. Пьяные персонажи - алкогольные фамилии авторов... Ну кто поверит? Вымысел.

- Один читатель прямо заявил, что ему известно, кто скрывается за фамилией Ширани, хотя его имя вообще в "Щ" не было упомянуто.

Другой эпизод:

- А я узнал, кто этот Ин.

- Какое Ин?

- Ну, Ин, которое кресит и кормят, "жамей Ин"... и пр.
это же И.

- Ну, а кто тогда Чурленин?

- Чурленин - это я, но вы, конечно, меня не выдадите.

- Кому?

- Естественно кому - Ин!

Не обошлось и без обидных инсинуаций. Будто бы "ИЦ" -
издают дети высокооставленных родителей и на субсидии рок-
клуба.

Кое-какие последовали предложения:

"Познакомьте своих читателей с беспорядками, царящими
в "неверачных странах".

(В этом номере вы прочтете предвзвешенный и безыскусно напи-
санный рассказ о судьбе одного рядового американца с выра-
зительным названием "Кошмарные времена").

А вот еще одно предложение от читателя, который явля-
ется многолетним подписчиком журнала "Крокодил":

"Что мне понравилось в "Красном щедрице" - так это
беспощадное отношение большинства его авторов к сво-
им близким друзьям, родственникам и непосредствен-
ным начальникам. Для "Крокодила" это не характерно.
Однако остается такое чувство, что авторы "ИЦ" могут
сказать о своем ближайшем окружении более подробно,
детальнее, откровеннее, что они еще что-то скрывают,
недоговаривают. Смелее, друзья!"

Мы получили несколько пространных писем, из которых
два публикуем полностью, придав им произвольные-порядковые
номера, а на одно письмо даем только ответ, поскольку оно
не точно по фактам, направлено не на существо проблем, и
задевает личности, которые решают, что печатать, а что в
журнале не печатать.

Итак, слово читателям:

"Я благодарна "Красному щедрыку" за то, что он проницательно обратил внимание на органическую связь великой и святой нашей литературы /так называл ее Томас Ман/ с военным делом. Признаюсь, раньше я считала, что только в духовном мире Маяковского и Суркова /с последним было где-то правильно сказано, что он был "самым значительным поэтом перед войной, во время войны и после войны"/ поэзия и военные занятия сливались в одно в высшей степени мужественное и благородное дело. Сейчас я убедилась, как глубоко заблуждалась. Готовясь к уроку по Блоку, я обнаруживаю к своему величайшему удивлению, что этот платонический рыцарь Прекрасной Дамы глубоко ощущал близость поэтического слова и оружия, в производстве которого у нас всегда отличалась Тула. В учительской, где мы, преподаватели русского языка и литературы, часто беседуем на профессиональные темы, я процитировала слова этого великого поэта: "Вы знаете, - спрашивает Блок в одном письме, - сколько взрывчаток веществ надо заложить в орудие, чтобы оно могло действовать сильно и на большом расстоянии?" И дальше выясняется, что к пушке поэт относит литературу и театр. Эти орудия были и есть до сих пор - sempre сильные, они действуют на гораздо большие расстояния, чем любая пушка." /Т.ХП, стр.213/. Я думала, что эти слова, по крайней мере, удивят моих коллег. Но М.М., учитель с двадцатилетним стажем, большой знаток "Войны и мира", спокойно сказал:

- Валерия Брюсова тоже принято считать неким штатским фертником. Но не секрет, - он требовал, чтобы поэт был "грудбачом" и "знаменосцем". знаменательно, правда! Хотя Владимир Маяковский, заметим, ставил поэта выше, считал его полководцем, то есть генералом или маршалом.

- Тогда маршалов не было, - вступил в разговор завуч нашей школы.

- Во всяком случае, не ниже, чем полковник.

Я, однако, не сдавалась:

- Но Пушкину и в голову не приходило сравнивать поэта с разного рода вооружениями!!

- А зачем, сказал учитель Н.Н. - большой знаток Федеевского "Разгрома", достаточно того, что он носил фамилию

от слова "пушка".

- Между прочим, - в разговор снова вступил М.М., - никто не обратил еще внимания на то, что произведения переводной литературы также принято уподоблять военным акциям, в основном тем, которыми занимаются саперные войска. Чужеземные писатели, как правило, занимаются "подрывом", "диверсиями", совершают "вылазки". В круг их обязанностей так же входит "маскировка", "камуфляж", быть "проводником тлетворных идей", "отравлять первоисточники". Некоторое число переводных авторов сосредотачивают свои усилия на выявлении застойного и преступного характера своих собственных обществ. То есть стремятся их подорвать изнутри. Это говорит о том, что переводная литература и в том и в другом случае близка роду деятельности саперных войск.

- Но что интересно, - сказал Н.Н., - многие наши писатели, а иногда даже целые литературные организации убеждены в том, что они разведчики, что их долг во что бы то ни стало разведать воображаемое будущее, ибо прошлое уже написано или охраняется в архивах, а настоящим должны заниматься другие учреждения.

Завонная звонил в начале очередного урока. Завуч, подводя итог нашей беседы, сказал:

- Однако, мне кажется, что настало время сравнивать порохов с атомной бомбой и реактоносцами, ибо пушки двенадцатого и четырнадцатого калибра ни в какое сравнение не идут с современными видами вооружения. Меня также удивляет, что доктора философских наук до сих пор проморгали эту тему - военно-эстетическую. И пора, мне думается, выдать всем поэтам мундиры /для литературных вечеров/, а некоторым - и шапку. Иначе, увы, дискомфорт.

Второе письмо, которое мы также приведем, подтвердило, что иногда лаконичные высказывания скромного автора могут внести весомый вклад в познание очевидного. /"...Занятие литературой у нас правильно было бы считать не гражданским, а военным делом, пусть не регулярным"/.

ПОЭТ И ВОЕННОНАЧАЛЬНИК

В заметке М. Зайца сообщалось, что Лев Николаевич Толстой искренне скорбел по поводу того, что будучи общепризнанным учителем и просветителем человечества, автором "Войны и мира", носил лишь звание штабс-капитана запаса. Мне кажется, что для исследователей небезынтересен и обратный ход изыскания: нет ли среди общеизвестных полководцев лиц, которые могли, но так и не обогатили свой народ высококачественными литературными произведениями? Историки знают о знаменитой встрече Наполеона с Гете, шевельнувшей в душе великого военачальника мысли о другом почетном звании призвания.

Но вот пример не менее яркий, а главное, нам более близкий. Это я извлек из многотомного романа Ивана Стадника "Война". Приведу цитату целиком:

"...Поэзия молодого Сталина обратила на себя внимание; его стихи среди лучших образцов грузинской литературы попали в книжные издания - пособие по теории словесности: в хрестоматию и в руководство по грузинскому языку.

Еще тогда, задыхаясь от счастья, от гордости, представляя свое будущее в сиянии победной славы поэта-трибуна, революционера, он в то же время ловил себя на смутном ощущении тревоги: все-таки трудно было поверять, что он, шестнадцатилетний семиклассник, уже громко заявил о найденной поэтической стезе, надеясь соединить ее со столбовой дорогой марксистского движения. И временами ему делалось страшно: вдруг проснется, а поэта Сосело нет и не бывало!

Такое пробуждение - на беду ли, на счастье! - наступило, когда из еженедельной газеты "Квели" ему вернули подборку стихов, сопроводив их надевательски-разгромным письмом. Только позже понял Сталин, что "Квели" сползла на позиции легального марксизма, а он уже был известен в редакции как дерзкий противник Ноя Бордания. В рецензии едко высмеивались попытки Сосело "впрячь похабо в арбу социалистов". Сталин оскорбился до иступления. Потом, несколько успокоившись, написал как бы эпитафию по случаю завершения своих поэтических изысканий. Она звучала так:

Ходил он от дома к дому,
Стучал у чужих дверей —
Со старым дубовым бандури,
С нехитрой песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск, чиста
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел.
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
Люди его земля
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: "Проклятый!
Пай — осуши до дна...
И песня твоя чужда нам
И правда твоя не нужна!"

Воспоминания нескончаемо разматывались из свитка памяти. Закончив бриться, Сталин не мог вернуться мыслями в сегодняшний день и со злостью швырнул бритву в корзину под раковиной."

(Иван Стадник, Война, т.2, стр.246-247,
М., ХЛ, 1985, тираж 500,000 экз.)

Познакомившись с этим малоизвестным фактом из биографии Джугашвили, я невольно задал себе вопрос, не потеряла ли литература в его лице человека, который бы по праву таланта и идейной твердости вошел бы в первую обойму наших поэтов, и неоднократно заслужил бы сталинскую премию. Но, с другой стороны, подумал я, не будь этой жалкой статейки в журнале "Квадрат", мы потеряли бы в его лице полководца, изрядно превосходящего наших полководцев всех стран и народов? Однако, какой смысл задавать вопросы, на которые нет ответа. Но не убеждает ли этот пример нас еще раз в том, что поэты суть — скрытые военачальники? 6.

Отказавшись публиковать Ваше письмо, редакция, тем не менее, отвечает на те Ваши вопросы, в которых звучит нечто стихийно-разумное и интуитивно-полезное. Отвечаем по порядку, но с конца.

- 1). Про демократию мы ничего не знаем и провокаций не потерпим.
- 2). Мы и не пытались установить личность упомянутого тобой "вечно пьяного поэта с пронзенным лицом". На фигу он нам нужен!
- 3). Литературные группы, долгие, якобы, метель друг друга, по рекомендации Кривулина, давным-давно существуют и превосходно симбиотируют. ~~Итак, как вы видите, мы не пытались установить личность упомянутого тобой "вечно пьяного поэта с пронзенным лицом".~~
- 4). Наша редакция была на вечере "Московской мететальной школы". В одном из ближайших номеров нашего журнала мы предполагаем поместить некоторые ее произведения и продолжить их обсуждение, горячо начатое профессором В.А. Андреевым.
- 5). По поводу тиража "Круга" сообщаем следующее: тираж "Круга" был снижен с 15 тыс. до 10 тыс. экземпляров именно потому, что Г.С. Николаеву для книги "День милосердия" не хватало бумаги, чтоб округлить свой тираж до 200.000 экз.
- 6). "Митин журнал", наверно, был действительно создан, чтобы А. Драгомощенко мог печататься. Но мы заявляем, что А. Драгомощенко, если и не самый великий из всех прошедших по земле поэтов, но все-таки поэт очень интересный, много и усердно работающий, это - настоящий поэт, что бы о нем не говорил В. Кривулин. Но, по нашему мнению, основная заслуга "М.Ж." - нелицеприятный показ порочной жизни людей, обитающих по ту сторону Бдера.
- 7). То, что, по твоему мнению, "Часы", "Обводный канал", "Предлог" и т.д. выпускается одним человеком, который для вида подписывается разными именами, в этом нет ни грамма предосудительного. Как говорил один классик: "если я не за себя, то кто за меня, а если я только за себя, то зачем я?"

////////////////////
////////////////////
////////////////////
/////////
///////

Вл. Шинкарев

МИТЬКИ И КУЛЬТУРА

■

"Явилося некто, иже никто
добре яко не весть, кто суть и
отколе шдут и что язык их и кото-
раго племени суть и что вера их".

— Новгородская летопись XII
века о татаро-монголах/

Слова, внесенные в эпитаф, точно передает печальное положение, сопутствующее движению митьков. Общество впитывает отрывочные и недостоверные сведения о движении так жадно, как раскаленная пустыня впитывает стружку воды, но все, конечно, не может насытиться.

Вот, в последнее время много говорят о митьковской культуре, как и как вкусить ее плодов?

Поток лишней информации обволакивает мир, а золотая струя митьковской культуры еле мерцает. /Немудрено, что стиснув зубы, за перо берутся такие далекие от литературы лица, как А.Флоренский и Фил — лишь бы не иссякла эта струя! /

Дмитрий Шагин, который после опубликования первых сведений о митьках ходил как мещанин и даже обещал ставить мне каждый день по бутылке, теперь прыкнул: митьковская культура, — вилля справа налево, оторвавшись от своего лидера и блуждает в потемках.. Появились молодые митьки, уже и не

слышавшая про зачинателя движения.

Однажды, теплой-белой ночью, мимо приоткрытого Д. Шлагина прошла группа молодых людей, размахивавшая цитатниками /1/ и скандирующая: "Мы митьки! Мы митьки!" Как же полна была чаша горечи, которую пришлось испытать лидеру движения, когда он увидел в ушах этих так называемых митьков "шлейеры", а на ногах - кроссовки!

Не каждый новообращенный может отказаться от поповского шмотья, нажитого в домитковские времена; появилась даже формула, митьковская по букве, но не по духу: кто носит "Адидаас", тому любая лялька даст!

Но это все же не важно; настоящий митек и амуницию в стиле Дэвида Баум сможет носить как рваный ватник. Нужно, пожалуй, изменить формулировку: митек одевается во что попадет, но ни в коем случае не производит впечатление попово одетого человека.

Однако вернемся к заболевшему вопросу о культуре.

Нижеприведенные очерки не дают конкретного описания вкусов и привязанностей митьков - это сделано в работе А. Флоренского /см. реферат в 19 части/. Я попытался только дать общие понятия о митьковской культуре и указать направление дальнейших исследований.

МИТЬКОВСКИЕ ЦИТАТНИКИ

Я с удовольствием воспринял известие о появлении первых, видимо, рукописных, митьковских цитатников.

Время требует от нас призадуматься об общих принципах издания таких цитатников.

Чтобы выполнить свою важную функцию - быть предметом, удобным для размахивания - цитатник должен издаваться в приятном оформлении небольшом формате, объем его не должен превышать одной-двух тысяч страниц, поэтому целесообразно печатать его мелким шрифтом на рисовой бумаге.

Цитатник, как это видно из наименования, является собранием употребляемых митьками цитат из телефильмов, кинофильмов, романов, газет, эстрадных представлений, опер, балетов и т.д.

ЖРАСИТ ЭТА ЦИТАТА И ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ.

Классификация цитат может быть различной:

- по алфавиту /Например, буква А: "А мусорка вашего мне на съедание отдашь?"/

- по первоисточнику /Например, названия разделов: телефильм "Место встречи изменить нельзя", опера "Поздняя история человека", стихотворения "Бедный Икерушка" и т.д./.

- по эмоции, выражаемой цитатой /Например, раздел "решиительность" "Надо вынимать Зекса - никто всем нам кренты!"; или, из того же раздела: "это я убил тогда стеруху-процентщицу и сестру ее Лизавету топором и отрубил!"/

Объем издания вынуждает к краткости. Вот как я представляю себе статью из цитатника по первоисточнику: Например, раздел "Место встречи изменить нельзя".

КТО ЭТО ТАМ ГАВКАЕТ? - С ТОВОМ, СВИНЬЯ, ГОВОРИТ КАПИТАН ЛЕГЛОВ. - Цитата произносится одним лицом, не выражает отчетливой эмоции, служит для самоутверждения и заполнения времени.

От некоторых митьков, особенно зарубежных, не знакомых с нашей отечественной телеклассикой, можно услышать сетования по поводу непонятности цитат, например, вышеприведенной, даже для участников движения.

Встает вопрос: не стоило ли в цитатнике кратко указать ситуацию, при которой произносится цитата? Ответ: во-первых, митьковские цитаты достаточно выразительны и без комментариев, так как употребляются не ради невнятности, а из чистого искусства; а во-вторых, места для подобных объяснений, конечно, не в маленьких цитатниках, а в Большой Митьковской Энциклопедии.

Вот как я представляю себе статью о вышеприведенной цитате там /разумеется, в сокращении/:

КТО ЭТО ТАМ ГАВКАЕТ? - С ТОВОМ, СВИНЬЯ, ГОВОРИТ КАПИТАН ЛЕГЛОВ.

Цитата составная, состоит из двух реплик.

Назначение цитаты: доставание /см. статью "христианское смирение"/.

Происхождение цитаты: пятая серия телефильма "Место встречи

изменить нельзя"/ см. статью "Место встречи изменить нельзя"/.

Экспозиция произнесения цитаты в первоисточнике: Деглов /см. статью "Деглов"/ заловил Горбатого /см. статью "Горбатый"/ в подвале и говорит в рупор /см. статью "Метельник"/, чтобы тот выходи.
ГОРБАТЫЙ /из подвала/: Кто это там гавкает?
ДЕГЛОВ /в рупор/: С тобой, свинья, говорит капитан Деглов!

Область применения цитаты: цитата не имеет выраженной эмоциональной окраски, но убедительно звучит в телефонном разговоре. Например: митек звонит абоненту.

АБОНЕНТ: Алло?

Митек: Кто это там гавкает?

АБОНЕНТ /обиденно/: А кто это звонит?

МИТЕК /победно/: С тобой, свинья, говорит капитан Деглов!

С достоинством произнесенная цитата в большинстве случаев произведет на абонента желаемый эффект.

Цитата уместна в разговоре с соседом по коммунальной квартире, украсит она и праздничный стол.

Митьку-абитуранту можно посоветовать проанести ее во время собеседования с преподавательским составом /по тому же типу, например, ПРОФЕССОР: Здравствуйте, молодой человек!
МИТЕК: Кто это там гавкает? ПРОФЕССОР: Что вы себе позволяете, молодой человек!
МИТЕК: С тобой, свинья, говорит капитан Деглов!/

Митек-студент, имея звонкий голос, скрывает этой цитатой скучную ленинскую, митек-служащий с ее помощью сделает более непринужденными как правило натянутые отношения с начальством.

НОВОЕ В КУЛЬТУРЕ РЕЧИ МИТЬКОВ

О новых направлениях в лексике митьков можно сказать немного, ибо она развивается столь стремительно, что мудро предугадать.

Как мы знаем, для речи митьков характерно употребление ласкательных окончаний и мощный драматизм. Первый фактор

помогает избежать сухости и суровости, второй — ханжеского елеяного оттенка речи в стиле Кудушки Головлева.

Не так давно ласкательные окончания употреблялись только применительно к существительным и прилагательным, например

— Где оттягивался вчера?

— В Паркушке Победушки.

или, поскольку речь идет о культуре:

— Какой фестивальный фильм убожее?

— "Гибельная боженик" Висконтьюшки. /Здесь восхищает сырая ломка общего угрожающего смысла названия фильма/.

Однако язык митьков, как и было сказано, не стоит на месте. Недавно на вопрос, какой фестивальный фильм самый улетный /читатель, полагаю, догадывается о тонком различии между "улетом", "обсадом" и т.д./, Дмитрий Багин дал ответ: "А корабльшечка-то, пливетушки".

/Подушно отметим, как приятен здесь "корабльшечка" вместо набившего оскомину банального "кораблика"/.

Итак, ласкательные окончания появились также у глаголов, причем у всех глаголов /из редких верниц митьковской лексики. А не пора ли нам спетаньки? Другого примера, уже, пожалуй, и нет/.

Можно смело предсказать, что вскоре ласкательные окончания появятся также у местоимений, деепричастий и герундиев.

Мощный драматизм речи митьков достигается перманентно надрыной интонацией, частым употреблением абстрактно-жалостливый баяк /см. раздел "О трагическом у митьков"/ и специфическим понятием о долге — скорее трансцендентном, чем реальном.

Митек не выполняет взятых на себя обязательств, чего от него, впрочем, уже и не ждут, но считает важным исполнение невысказанных желаний /ведь так и надо в любви — а митьки всех любят/. Так как окружающим трудно не только выполнить, но и догадаться об этих желаниях, обиды митька накапливаются и драматизм речи возрастает.

Например: митек просыпается с похмелья один. Ему жарко и мутно, хочется, чтобы кто-нибудь зашел в гости и развлекал

АБОНЕНТ: АМО? МИТЕК: КТО
ЭТО ТАМ ГАВКАЕТ?

его - но никто не приходит, не приносит ему пивка. Потерявший терпение митек звонит приятелю, кандидатуру которого он считает подходящей для сегодняшнего гостя:

- За что?! За что ты меня так?!

- А что? - пугается приятель.

- А что... - горько усмехается митек, - да ладно...

Нет, все ж-таки скажи, только одну скажи - за что ты со мной так?! Пусть, пусть я иди, западло - но так! Так-то за что меня! Я что - убил кого-нибудь? Ограбил?

- Митя, да что случилось?!

- А ты не знаешь, что случилось?

- Не знаю...

- Почему же ты не мог один - один только разочек в жизни! - спокойно прийти в гости?!

О ТРАГИЧЕСКОМ У МИТЬКОВ

Безь такие старье, навсегда заархивировав пивные ларьки. Наметанный глаз еще различит вокруг них следы недавнего оживления: слезавшиеся пакеты сигарет, том-зия пятна металлических и пластмассовых пробок, осколки зеленого стекла. Но сквозь плотно утрамбованную почву уже пробивается трава, черная пыль лежит на прилавке ларька, стекла разбиты, оттуда разит мочой.

И часто можно увидеть, как утром в этой выгнившей лесовке по одному, по двое или по трое приходят некрасиво, неряшливо одетые люди и долго стоят здесь. Это в основном пожилые люди. /"Брали Берлин! - со слезами говорит митек-рассказчик, - А такой, как Дэвид Баун - нет! Он не придет в такому ларьку!"/.

- Или нет! - с ходу перестраивает повествование Д. Магин /а рассказывает именно он/, - это бы еще полбеды! Ларечки-то... еще стириты! Только в них теперь... квас, а не пиво!

И вот приходят так... нестоят... Один в ларьку подойдет, возьмет кружечку... кваса! Со вздохом посмотрит на нас /Антюша, изображая все в лицах, смотрит на воображаемую кружку как очень грустный баран на новые ворота/, отпнет

от нее... поставит обратно... вздохнет... подойдет к своему товарищу...

- А чего они стоят? Курят?

- Просто стоят! Ну, подойдет так...

- Чего они собираются-то? Разговаривают?

- Да нет! Молчат! Молча стоят! Один только подойдет к ларечку, возьмет кваса, посмотрит так...

ОБ ЭПИЧЕСКОМ У МИТЬКОВ

"Митьки уже потому победят, что они ничего не хотят победить... Они всегда будут в говнище, в проигрыше... /шепотом/. И этим они завоюют мир."

/Из разговора с Д. Магным/

Гете и Жан-Поль высказывали мнение, что эпическое - противоположно комическому. Устное творчество митьков не только опровергает это мнение, но и доказывает обратное. Как высокий образец эпического у митьков я приведу анекдот.

Каждое слово, интонация, пауза и жест в этом шедевре отшлифовано на общих собраниях и съездах митьков, где этот анекдот повторялся бесчисленно, неизменно вызывая восторг, переходящий в сдавленные рыдания и клятвы быть верными делу митьков по гроб.

Итак: плывет океанский лайнер. Вдруг капитан с капитанского мостика кричит в матросальни:

- Женщина за бортом! Кто спасет женщину?

Молчание. На палубу выходит американец. Белые шорты, белая майка с надписью "Майами бич".

- Я спасу женщину!

Одним взмахом, пластично расстегивает zipper, срывает шорты и майку, остается в плазник стального цвета.

Корабль, затан-дыхание, смотрит.

Американец, поигрывая бронзовым телом, подходит к борту, грациозно, не касаясь перил, перелетает их и входит в воду без брызг, без шума, без всплеска!

Международным брассом мощно рассекает волны, плывет спасать женщину, но!.. не доплав десяти метров... тонет!

Капитан в матросальник:

- Женщина за бортом! Кто спасет женщину?

Молчанье. На палубу выходит француз. Голубые шорты, голубая майка с надписью "Лямур-тумур".

- Я спасу женщину!

Одним взмахом пластично расстегивает zipper, срывает шорты и майку и остается в плавках с попугайчиками.

Корабль, застав дыхание, смотрит...

Француз подходит к борту, как птица перелетает перила, входит в воду прыжком три с половиной оборота без единого всплеска!

Международным баттерфляем плывет спасать женщину, но! ... не доплав пяти метров... тонет!

Капитан в матросальник срывающимся голосом:

- Женщина за бортом! Кто спасет женщину?

Молчанье. Вдруг дверь каютерки открывается, на палубу, сморкаясь и харкая, вылезает русский. В рваном, промасленном ватнике, штаны на коленях пузырями.

- Где тут? Какая баба?

Расстегивает единственную пуговицу на ширинке, штаны падают на палубу. Снимает ватник и тельняшку, кепочку аккуратно положил сверху, остается в одних семейных трусах до колен.

Поеживаясь, хватается за перила, переваливается за борт, смотрит на воду: и с хаканьем, с шумом, с брызгами солдатиком прыгает в воду, и... сразу тонет.

Таков полный канонический текст этого анекдота. Рассказывая его непосвященным, митек вынужден слегка комментировать, так, описывая выход американца и француза, митек, не скрывая своего восхищения, прибавляет: "В общем, Дэвид Баум! Гад такой!", а когда на палубе появляется русский, митек заговорщически прибавляет: "Митек!"

Итак, этот анекдот вполне может служить эпиграфом к капитальному труду "Митьки и Дэвид Баум".

О ЛИБЕТОРНЫХ ПРОТИВНИКАХ МИТЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

"Митьки уже потому побеждают, что они никогда не хотят победить... Они всегда будут в гонимых, в цр-играше... /шепотом/ И этим они завоеют мир".

/Из разговора с Д.Бегинна/

Будем глядеть правде в лицо: культура митьков имела и будет иметь противников. Я имел в виду противников по невежеству или недостатку гуманизма, а не тех нетороплив, что не могут вынести достоянчест митькиа. Я имел в виду злого и ушного врага, культурного противника.

Вот книга /которую я давно, как и подобает, пропиа/ Константина Леонтьева - "О стиле романов графа Толстого".

Есть в ней мысли и о стиле романов, и о Толстом, но главна тема этой книги - беспощадная, не на жизнь, а на смерть, борьба с митьковской культурой.

И не имел возможности прямо цитировать эту книгу, но страх и растерянность известного реакционера XIX века перед пробуждающейся митьковской культурой, хорошо запомнились мне.

Есть в русской литературе, писал он, какая-то тенденция к осмеянию своего героя. Если в англоязычной литературе все говорится прямо, - как есть, во французской - преувеличенно, то в русской - грубо и приниженно.

Если англйскому автору нужно описать, например, страх в героя, он так прямо и пишет: "Джон испугался и пошел домой". Француз пишет: "Альфред затрепетал. Смертельная бланность покрыва его прекрасное лицо" и т.д. А русский автор скажет: "Вени одрефши /лучше даже - приссал/ и попер домой".

Реакционному философу нельзя отказать в наблюдательности, расстановка сил для него ясна: на палубу выходит американец, на палубу выходит француз, из каютерки вылезает русский. Но отнестись к ним философски он не в силах: одобря сухую пустоту англйчанина, он смеется над французом и

презирает русского.

Митек же, приводя свой куда более отточенный и изящный анекдот, не скрывает своего восхищения и американцем, и французом, и хоть самими К. Леонтьевыми, которому явно не хватает гуманизма и христианского смирения.

Далее, язвительный философ через столетие прямо протягивает руку присяжным критикам "Литературной газеты", угрожающе жалясь на немаящих персонажей русской литературы, которые постоянно "подходят к буфету и хлопают рюмку очищенной, а если /вот знаменательное признание! / герой после этого ласково осклабится, то давешние доверие читателя обеспечено".

Горький сарказм ядовитого мыслителя здесь неуместен и просто жалок - он недоволен, что читатель сделал свой выбор и его доверие отдано достойнейшему - митькам, а не К. Леонтьеву!

Не ались, К. Леонтьев, - ты победили - ведь митьки-то никого не хотят победить, они всегда будут в гонимые, в проигравшие...

ПОЧЕМУ МИТЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА ТЕМ НЕ МЕНШЕ ПОКА НЕ ИДЕТ СЕМИ-МИЛЬНИМИ ШАГАМИ

А потому что некогда.. На общих собраниях и съездах у митьков остается очень мало времени для разработки своей культуры.

Митьки - очень добрые, им не жалко друг для друга и последней рубашки, но одно непреодолимое антагонистическое противоречие раздражает их: им жалко друг для друга алкогольных напитков.

Каждый митек настолько уверен в своем праве выпить гораздо больше своих собутыльников, что даже не замечает и отрицает эту характернейшую митьковскую черту. /Примечательно, что формула, описывающая это явление, была найдена не в среде митьков, а зарубежным обозревателем движения: "Митек не любит пить в одиночестве, но митек любит пить один при многих свидетелях".

Представим себе собрание трех митьков: А, В и С.

Эти имена и события вымышлены и всякое сходство с действительностью является чистой случайностью.

Все эти трое митьков принесли по бутылке борьмотухи, каждый достоин равной доли — но каждый рассчитывает на большее. Исходя из этого, они единодушны в решении пить не из стаканов, а из горла — ведь каждый надеется, что его глоток больше. Митьки садятся за стол, готовясь к длительному и вдумчивому разговору, должному двинуть вперед митьковскую культуру.

А /открывает бутылку/: Сейчас для начала я почитаю вам Пушкина. /пьет из бутылки/.

В: Стой! Ты что, обалдел?

С: Вот гад!

А: Чего, чего? Тут мало и было! /отмечает пальцем, сколько, по его мнению, было в почетной бутылке/.

С: Что ж нам, полбутылки продавали?

В: /берет у А бутылку и пьет/.

С: Куда? А я?

В /с обиженным видом отдаст бутылку. С. горько смотрит на В. и бутылку/.

А: Вон сколько выграл! А я только приложился!

С /пьет. А. молча хватая бутылку и, выжимая у С зубы, рвет на себя/.

С: Ну что за дела?! Я только глоточек и сделал!

В: Он, гад, так пасть разработал, что за глоточек всю бутылку выжирает!

А: Гад! Мы только попробовали, а ты... Ну, я тогда уж допиваю /пьет/.

В: Выпьем-паль! За что, за что так? Ты же два раза пил, а мы по одному?!

А /довольно утираясь/: И я один раз пил, я гораздо меньше вас выпил.

В: Ты же начинал!

А: Не фигга. С начинал.

В: Гады вы! Ну уж следующую бутылку я один пью /открывает бутылку и пьет/.

С: Куда?! Да что вы, совсем уже оберзели? Я больше всех вина принес и еще ни разу почти не выпил?

В /передавая ему бутылку/: На, пей..Первую бутылку один почти выпил, так пей и вторую! У Васи Векшина две сестренки маленькие остались, а С - живует!

А /в слезах/: Так мне что - уходить?! Одни, без меня управитесь?!

С /отдавая ему бутылку/: На, пей, если Бога не боишься. Бог-то есть! Он-то знает, как ты нас обжирал!

В /наблюдая за тем, как А пьет/: Нет, я вижу, не верит он в Бога! Но ничего, отплачутся ему наши слезки!

И так далее до конца собрания.

Пример, разумеется, абстрактен и показывает только тему борьбы - на самом деле ни один из моих знакомых митьков не бывает так топорен и груб в достижении своей цели - каждый из митьков имеет свой комплекс методов, которые в ходе соперничества шлифуются и совершенствуются. Из трех настоящих митьков - сумевший выпить больше добился заслуженной победы в честной и равной борьбе.

И методы этой борьбы - органичная часть митьковской культуры.

19. РЕЗЮМЕ ПО СТАТЬЕ А. ФЛОРЕНСКОГО

"МИТЬКИ И КУЛЬТУРА"

Работа А. Флоренского, как и другие известные мне труды о митьках, начинается с безудержного восхваления движения.

Кратко перечислив ряд социалистических и капиталистических стран, возмеченных в движении митьков, автор подробно останавливается на вкладе в дело митьков И.А. Кирилловой - /то один, то два рубля на пропой А. Флоренскому/. После этого вступления, которое можно считать посвящением, автор переходит к теме своей работы.

Первый раздел - митьки и живопись. Поставив этот сложный вопрос, Флоренский сразу отделяет "митьковскую живопись" от "живописи, любимой митьками", не определяв, правда, ни ту, ни другую, после чего приступает к экскурсу в историю этой живописи. /Под "живописью, любимой митьками", оче-

видно, следует понимать индивидуальные и групповые вкусы отдельных митьков. Одним из самых любимых художников всех известных мне митьков - Сезанн. Является ли он митьковским художником в том же смысле, что и бесспорно митьковский, но не любимый митьками Перов? Вопрос этот сложен и относится к культуре в целом. /

Флоренский перечисляет ряд кристально-митьковских произведений отечественной живописи, митьковость которых бесспорна уже исходя из названий: "Бобыль-гитарист", "Рыболов или охота пуце неволя", "Всюду жизнь", "Чаепитие в Митицах", "Приезд гувернанток в купеческий дом", "Последний кебук у заставы" и т.д. /Ценнейшей частью работы А. Флоренского являются факсимильные копии с наиболее митьковских произведений живописи. /

Покончив с бесспорным вкладом передвижников в культуру митьков, Флоренский оказывается в некоторой растерянности - о чем же еще сказать?

Живописная чистоплотность мешает ему приступить к восхвалению таких произведений, как, например, "Опять двойка", поэтому напрашивается вывод, что кроме чисто митьковых деншик, митьковская живопись должна быть еще и хорошей.

Автор переходит к разбору западноевропейской живописи, который у него занимает несколько строк:

"В западноевропейском искусстве митьковых картины так немного, что можно было бы считать, что их там нет вообще..."

/Западноевропейские митьки рискуют оказаться лишеными всяких корней, но Флоренский великодушен /:

"...если бы самая митьковская картина в мире не принадлежала кисти западноевропейского художника - Питера Брейгеля Старшего. Да, да, именно "Падение Икара". ...

Далее, А. Флоренский предоставляет слово Д. Шагину:

"Шурка! Вот, значит, как... Солнышко светит, всякая тварь живая оттягивается. /Митька рассказывал так, будто говорил о событии, которому 5 минут назад был очевидцем, - Ну, и?! - спросил я, - ты к чему это? - Дык... Шуренок... птички, звери... Пахарь со своей лошадушкой оттягивается, а у Икарушки-то... у Икарушки одни только ножки торчат!"

Митька вскоре даже написал стихотворение об этом несправедливом событии. Конец его я привожу по памяти:

...и-одни только голые ножки

торчат из холодной зеленой воды".

Точности ради должен сказать, что Митька написал не стихотворение, а поэму /по его определению/ "Бедный Икарушка". Вот полный текст поэмы, который Флоренскому, без сомнения, следовало привести полностью:

БЕДНЫЙ ИКАРУШКА

У Икарушки бедного

Только бледные ножки торчат

Из холодной зеленой воды.

Это замечательное хокку теперь является наиболее цитируемым митьковским произведением. Так, на вопрос: "Как дела?" следует типовой ответ: "Только ножки торчат". Желая побольнее уязвить выпившего болельщика, Д. Шагин говорит: "У Икарушки бедного только ножки торчат, а Флореннич, гад, - жирует!"

Эта фраза примечательна тем, что составлена из двух цитат, занимающих два первых места в хит-параде; полный текст второй цитаты: "У Васи Векшина две сестренки маленькие остались, а бандиты - жируют!" /"Место встречи изменить нельзя"/.

Второй раздел труда А. Флоренского - митьки и музыка. Здесь позиция автора почти бесспорна и уместно передать слово ему:

...Митьки любят музыку, вернее, песни, преимущественно жалостливые, причем собственно музыкальная часть не играет роли. Идеалом митьковской песни навсегда останется:

У кошки четыре ноги.

Позади у нее длинный хвост.

Но ты трогать ее не можешь

За ее малый рост, малый рост.

Качество всех прочих песен определяется, пожалуй, близостью к этому эталону.

Митьки охотно слушают передачи "Песня-85", близки им и такие песни, как "Окурочек" и "По шпалам, бля, по шпалам!" в исполнении Дины Верни; важным компонентом митьковских песен

является возможность хорового пения, поэтому такие произведе-
дения известного митьковского музыканта В. Дря, как "Эне. толь-
ко без десяти девять часов!" неизменно вызывает восторг
митьки / точнее, восторг вызывает то место песни, где митек,
опережая и перекрикивая солиста, имеет возможность орать при-
пев. /

При всем увлечении к эстрадной музыке, даже первосортные
вещи "Битла" митек не предпочтет таким песням, как "Дни в...
Одессе парень-паренек", или той песне без названия, где по-
вестуется, как преуспевающий герой

Пьяный и в своей машине
Со своей красоткой Эной
Навернулся с Крымского моста.

Для многих митьков еще большую ценность представляют
советские песни военных лет, например "На полях танки грохо-
тали, не является исключением любовь к песням с малороссий-
ским уклоном:

Дождичком умытый
Я лезу убитый...

Конечно, трудно перечислить все направления любимой
митьками музыки, но странно, что А. Флоренский не считал обя-
зательным упомянуть музыку группы "Аквариум", представляю-
щую митьку, например, Д. Шагину, лучшую / как это ни кажется
странным / возможность для хорового пения и жестикуюляцию,
граничащей с эпатирующим припадком. Впрочем, Д. Шагин
предпочитает даже не хоровое, а сольное исполнение песен В. Гр
ебенщикова / сольное - в смысле исполнения самим Д. Шагиным, -
что является для окружающих отличным примером христианско-
го смирения. /

Митьки любят и джаз, и классическую музыку. Любовь
/впрочем, чисто теоретическая / Д. Шагина к Моцарту заслужи-
вает почтения. Однажды я был свидетелем таких слов, сказан-
ных Митькой начинающему зарубежному митьку: "Ничего, у вас,
немцев, тоже были хорошие композиторы. Бах был, потом этот...
Бетховен! Моцарт... Хотя нет, Моцарт был русским". Даже про-
изнеся покровительственно-утешительную речь, Митька пожелал
отдать Моцарта немцам!

Впрочем, во многих из этих случаев речь идет не только о "митьковской музыке", но и о "музыке, любимой митьками". Этот нюанс учтен в следующем разделе труда А. Флоренского — митьки и литература. Не касаясь круга литературных интересов отдельных митьков, ибо он очень разнообразен, автор указывает на вершины собственно митьковской литературы. Это Зоценко, прежде всего — "Рассказы о Ленине", поваренная книга Б. Молоховец /раздел "Водки разные"/, рассказы Н. Лескова, винные этикетки и т.д.

Флоренский ограничивается перечислением, не вдаваясь в рассмотрение истоков и направлений митьковской литературы, видимо, предоставляя эту благодарную задачу последующим исследователям. Так же поступил и я, указав лишь на книгу, которую стоит настольной для каждого митька — "Антон-горемыка".

На литературе Флоренский обрывает свое повествование, не сближаясь даже замечательной темой "Митьки и кино", зато отметил весомый вклад митьков в развитие отечественного плавания.

РЕЗЮМЕ ПО СТАТЬЕ А. ФИЛИПОВА "МИТЬКИ И СЕСТРИКИ"

После нескольких абзацев безудержного восхищения движением митьков А. Филипов берет быка за рога и выдвигает свой главный тезис:

"Относительно такого важного общечеловеческого вопроса, как отношения мужчин и женщин, хочется сказать сразу: кроме физиологического различия полов у митьков нет ничего общего с общечеловеческим пониманием этого вопроса."

Будучи несколько обескуражен этой фразой, я обратился за разъяснениями к А. Филипову, но после разъяснения так и не понял, откуда же в таком случае у митьков берутся дети и где, в таком случае, сам А. Филипов шатается по ночам.

"Как только митек скатывается на общечеловеческое понимание этого вопроса, он перестает быть митьком; бывший митек начинает есть всех братков с говном и пропадает неизвестно где, — где, без сомнения, жрует".

После этого предупреждения в стиле Савонаролы Фил оставляет свой грозный тон и начинает задумчивое повествова-

ние о близких ему вещах.

"Женщина" /это слово в лексиконе митьков отсутствует/ делится в понимании митьков на две категории: девки и сестренки".

/Замечу, что слово "женщина" действительно напрочь отсутствует в лексиконе Фима; он пишет это незнакомое ему слово так: "женьщина"/.

Первый раздел - девки.

"Под девками, - сразу оговаривается автор, - отсюда не понимается известный образ поведения, ничего общедного в этом определении нет".

Метко приведенное, видимо, фольклорное четверостишие, сразу определяет и отношение митьков к девкам, и обычный круг забот и интересов митька, и идеальный способ его существования:

Видю за деревню,
Гляну на село:
Девки гуляют
И мне весело".

Далее следует строгое определение девок:

"К девкам относятся лица женского пола от 10 до 50 лет, привлекавшие внимание митька и доставившие ему поверхностное удовольствие своим внешним видом или поведением /в этом смысле девки подобны коту-оттяжнику в первой части "Митьков"/. В единственном числе слово "девки" почти не употребляется, как в силу стадного поведения объектов, так и в силу того, что митек в связи с дефицитом времени предпочитает общаться с несколькими девками сразу".

Последующие рассуждения А.Филиппова показывают, что под "доставлением поверхностного удовольствия" он понимает только одно: процесс совместного алкогольного опьянения. Основательное знание темы помогает автору нарисовать /не без цели саморекламы/ поистине за душу хватающую картину.

С каким-то разбойничьим восторгом автор постоянно помнит "исерные кошечки" девок, опустошаемые А.Филипповым

во имя движения. Разухабистые сцены распития "дамского вина" /"Дамским вином, - поясняет Фил, - является любое вино, - выпиваемое вместе с девками за их счет". / уводят автора все дальше от надрывной ноты, открывшей его труд. Митьки в его описании начинают походить на весельх, беспалабных ребят, вроде панков, любителей выпить и погулять.

Я пишу эти строки поздним вечером на троллейбусной остановке, а рядом веселятся такая вот компания. Они агрессивно кохочут, плюются во все стороны, пьют из горла, общаются прохожих... Не митьки это, нет! Митьки стояли б тихоцько, плевали себе под ноги, переговаривались печальными голосами, только изредка повышая их при передаче друг другу бутылки, и это митьков бы общали прохожие.

Впрочем, я невольно перегибав палку в другую сторону - лик митька разнообразен: это Гамлет, Антон-горемыка и Фальстаф в одном лице.

А Филиппов раздел "Митьки и девки" посвящает одной, более близкой ему инстансии митька - оттяжке, но последняя фраза раздела показывает и другую сторону медали:

"Митек что ни оттягивается, то мучается, а что ни мучается, то оттягивается. Чтобы спастись от мук, он прибегает к оттяжке, принимая во имя их еще больше муки, а следовательно, стараясь унять их еще большими оттяжками и т.д.

Второй раздел труда - сестренки.

"В отличие от девок сестренка - это подруга митька, делящая с ним многие муки и оттяжки /но далеко не все/. Кроме этого сестренка должна разделять взгляды митька; таким образом она является уже почти полноправной участницей движения.

Существует единственный путь обращения девок в сестренки - оттяжка. Девки /чаще всего обращение происходит скопом/ должны устроить митьку достойную оттяжку, да не одну. Затем девчоночки сдают экзамен, то-есть очередную оттяжку-митька устраивает в присутствии других, небращаемых девок, прославляя при этом движение митьков.

Если у сторонних девчонок пробудится живой интерес к митькам и они своими ослепительными кошачьими глазами примут активное участие в оттяжке, экзамен можно считать сданным."

В этом определенном сестренке /которое вряд ли получит признание со стороны эмансипированных сестреночек/ переходную стадию от девки к сестренке Филл обозначает как "девчоночку". Однако это вряд ли правомерно. Наиболее меткое определение "девчоночки" принадлежит самому А. Филиппову:

"Девчоночка - промакуточное название девки, употребляемое лишь во время стояния с ней в очереди /самостоятельного значения не имеет/".

Приведу-ка я весь оставшийся текст раздела целиком, уже немного осталось.

"Сестренки в награду, как знак принадлежности к высшей категории, получают любовь и уважение митька, а иногда и почетные титулы: "одна ты у меня сестренка", "любимая" и "единственная" сестренка /эти титулы употребляются по отношению к трем разным сестренкам/. По неизвестным причинам самое распространенное имя среди сестреночек - Оленька. Сеномен этот необъясним, но почти у каждого митька есть сестренка Оленька, имеющая один из трех титулов".

Спорным моментом этого в целом содержательного раздела является антимифеминистский настрой, помешавший автору заметить такой любопытный нюанс: высшим сестреночным титулом после "одной ты у меня", "любимой" и "единственной" является... "братушка"! , что, казалось бы подтверждает подчиненное по отношению к митьку положение остальных сестреночек. Но любопытно, что сестренка называет митька /удостоившего ее высшим титулом/ ... "сестренкой"!.

Вряд ли можно также безоговорочно принять суеверный тезис о сестренках Оленьках, хотя их действительно навалом, и среди них есть даже жены митьков /жены митьков тоже могут добиться титула "сестренка", но им это, конечно, труднее.../

Последний раздел работы Филла имеет интригующее, обещающее успех у читательской массы название: "Митьки и секс".

Раздел краток. Вот он:
"Митьки не сексуальны".

После этих справедливых слов А. Филлипов, видимо, устидившись, откладывает перо, даже не поставив точки.

Попробую расшифровать эту фразу, связанную с тезисом, объявленным в начале труда.

Многие люди, но особенно митьки, стремятся к экстремальности в отношениях друг с другом. Экстремальные же отношения мужчины и женщины почти неизбежно проходят сексуальную фазу и тем самым оканчиваются женитьбами, трагедиями и т.д. Если бы митек относился к своим сестренкам как к сексуальным объектам, то это неизбежно похоронило бы все движение митьков лавиной женитьб, трагедий, мордобоев и т.д.

Поэтому-то экстремальность в отношениях с "любимой" сестранкой знаменуется тем, что митек объявляет ее "братушкой", а свое либидо переносит на что-нибудь другое — хотя бы на "бисерные кошечки".

*****

*****

*****

АЛЕКСАНДР ПЛАТОНОВ

Тезис.

Иванов, идущий на работу,
Иванов, бредущий на Голгофу,
Иванов, шагающий в кино, —
никогда не смогут быть одни.

Антитезис.

Эти и иные Ивановы —
не нуждаются в единстве новом,
ибо изначально так близки,
словно пальцы человеческой руки.

Синтез.

Целое не делится на части.
Лишнего оплакивать не надо.
Но, отрубленная по запястье,
эта плоть обречена распаду.

Синтезатор.

Достоверность отпечатков пальцев
или вечность гипсового слепка
в нищете своей взывают: скалься,
милость всестирающего неба!

Петр КОБЕЛАНОВ

.....

КАБИНЕТ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Кабинет техники безопасности. Трудоустройство. - Сколько ходок? - Инженер по ТБ тасует документы. Вдвое разочарование. - Что, не сидел?

- Нет. - Спринтерски ровсь в памяти. - Кто мог фальсифицировать биографию?

- И статьи нет в трудовой книжке? - Слово о необходимом атрибуте как признака манту или флюорография.

- Да я, знаете, никакки замечаний не имею. - Надо ли в этом отчитываться? - Практически не пью.

- Не оказалось бы тебе там туго. Смотри, чтоб на следующий день не приплыли ко мне за переводкой. - Инженер заселет полне графы. - На Ценом в основном уголовные элементы: они и зарплату могут отобрать и по голове настучать. Ты, я смотрю, перень здоровый, но один, знаешь, в поле не воин.

Миний участок. Направление. Взирнув присутствующих периферическим зрением. Ошибка очевидна, но впечатление, что лица загипнотизированы - неосвязно. Обладая даром чтения кармы, я мог бы расшифровать метаморфозы физиогномии. Каждая маска - колодезной выжуханк судеб. Внезапность рекурса выявляет незаурядность, но выминка разрушает эфемерный фантом тирана или реформатора - передо мной деградировавший организм. Иллюзия патриаршей расы и монаршей манты конкретизируется в за-

латанную еншировку рабочих по дно- и берегоочистке, трансформировавшись далее в карнавальные костюмы воинов: штурманка и сетка из-под лука для сохранения конфигурации волос, летная полярная куртка и монтажная каска, милицейский китель и тубейка, морской бушлат и прожженная окурками сумбурера. Регалии отличия и доблести фокусируются в значки ГТО, "За спасение на водах", "Ленинграду - 230 лет" и просто - дыри. Плоский воротник - в глиц.

В объеме - перманентный говор. Вначале я не пытался... опознать стандартную суть: теперь недоумеваю - лексика рабочих доступна мне пунктиром. Алфавит татуировок и специфика диалекта обнаруживаются в моих коллегах ветеранов ГУЛага. Человек с лицом каменного идола гипотезируется как лидер судьяшек. Диалог с начальником формирует из него старшего мастера. Приближением к истинности флибустьерской упаковки оказывается Паня: черный мундир, блистание золотых шевронов, фуражка с "красом".

В детстве меня неизменно притесняли: я освобождал от мелочи карманы по требованию иных гангстеров, в школе под угрозой расправы меня заставляли кривляться и выкрикивать матерные заклинания. Существовали передние, мимо которых я боялся ходить. Моя благополучность вызвала стремление поиздеваться у самых неагрессивных подростков. Теперь я взломан в конгломерат персон, на которых я раньше (теперь?) страшился остановить взгляд, потому что они чувствовали мою незащищенность на дистанции.

- Мы будем обслуживать экваторию Пьяной Гавани. - Гостеприимная улыбка, заячья резца фиксирует нижнюю губу. Начальник участка объясняет мне как добраться. - Я вас направляю туда дежурить.

Пьяная Гавань. Работа. В фургоне. - двое. Они разобрались от пня бурлушки. При знакомстве оба видят значительное спячение.

- Везай домой. Утром вернешься. Ничего здесь не случится. - Рекомендует Хрусталь.

- А мало ли мастераца проверит, да заснит. - Гуляй-Нюга встает. Он припадает на ногу. Вспоминает, что при пике

дров на участке не толень упал, чурбак и переломил кость. "Му-
шкетер сапог стали удалять, а нога вместе с ним поехала". - -
Калека хихикает. Панч посоветовал не сообщать о том, что трав-
ма - производственная. Потерпевшему заполнили рабочий табель,
предоставив возможность лечиться. "Теперь здесь - санаторий".

Вагон-бытовка - на территории склада "Ленмостостроя".

Первые вахты я не рискую отлучаться в город. Нагромождения
гранитных плит сменяют штабеля бревен и кучи чурбаков. Я по-
хищаю древесину для отопления, великую доску, пригодные для
шпалер, устраиваю их по две-три штуки на чугунных болванках
на каменном монолите.

Рядовому населению запрещалось оснижение холодным ору-
жием. Люди превратили в оружие - себя, чтобы по возможности -
отстоять имущество, семью, биографию. Я констатирую пропаган-
ду разложения человека по всем параметрам и преследование
всей мощью власти занятий, ориентированных на просветление.

Мне остается признать, что в своем грехе с позиций офи-
циального миропорядка незаконное занятие искусством будо.
Я облачаюсь в каратаги и воздеваю руки для принятой космиче-
ской энергии. Я воспринимаю вибрации от флажков лидеров пред-
мета.

В преддверии востана спускаюсь к воде. Наглядность пяти
начал приводит меня в восторг. Солнечная глазунья растекает-
ся, непорочность на караульные прожектора вокруг стадиона. -
Иду к барьеру, падаю на колени и с воплем ..... претраду.

В символической проходной склада дежурят пенсионеры. Об-
щаюсь с ними и пользуюсь их "городским" телефоном. Пенсионеры
снабжают меня армянскими сигаретами. Где-то неподалеку суще-
ствует организация морского профиля для подростков: то ли учи-
лище, то ли колония. Допрыгивающие атакуют дует влюбленных -
и забрасали их камнями и палками насмерть. Любителей подлад-
ного лова где-то здесь, какие-то люди периодически тонят.

Возвращаясь от сторожки к фургону, терплю в темноту,
готовый к бегству или обороне. Действительно, в чем гарантии
благополучной встречи завтрашнего майского румянца? Могут
убить вне вагона или поджечь его, препятствуя моей эвакуации.
На расстоянии голоса - ничего, кроме непричастной к моей судь-

ба глухой пенсионерки.

Рабочие для реализации намеченных рубежей ни разу не появились. Ленинский субботник знакомит меня с мастером здешней бригады, которая, согласно документам, функционирует в данном регионе. Производит генеральную уборку. Мурзилка сетует на экзальтацию и выведывает мои обстоятельства. Личико ее походит на набеленную японскую маску.

Летом фургон передислоцирует на Крестовский остров. Планировался создать набережную и откосы. Мне нравится непредсказуемость здоровья и, может быть, жизни, во время несения вахты.

Книжный участок. Барнаул. - Сегодня будет крутая разборка. - Происходит Шапокаляк: первичное впечатление от лица - отложено, на деле - нос свернут, лик иссечен шрамами.

Я настаиваюсь, освоив цифру на траверсе своей фамилии. За что больше двухсот? Я не выполняю ни одной серьезной работы.

- Какой-то подволок призови бензопилу - вносит яность Атаман. - Не засыпать же нам с начальником участка бабки из собственного кармана? - Ожидая профорга, я наблюдаю, как Атаман "отстегивает" на получении рабочих "атрафи" за прогулы и проспоренные матчи.

Напротив фургона - газон с тополями. Здесь - кафе "Брешно". Дворник Мафор воздвиг на стеклотаре три кооператива: себе и двум дочерям. Сам дворник, говорят, мафор в отставке. - Пенсионер реактивен и услужлив - утром развешивает на желудочных сиденьях стаканы и расстилает на скамейках газетные газеты. Исачи делает смет: - Военная пенсия. Обслуживает два участка и не меньше пятидесяти рублей на бутылках, а счастья - нет. Он вдруг понимает это и сходит с ума.

Когда иду к остановке, от "Брешно" отпочковывается стайка "гопсосальских". Следует за мной. "Подойди ты". - "Думаешь, отстегнет?" - "А ты сразу не прихвати!" Не оборачиваюсь. Не ускоряю шаг. Голоса ступеньваются.

Спешю ко мне на коленях - фигура. По одежде - Шапокаляк. Руки прижаты к лицу. На асфальте - кровь.

Вагон-бытовка. Бригада.

- Они собирают для тех, кто с зоны отключился. Вот такой

обычай, — комментирует утром Шило-старший, сдавая мне вахту. ..
.. Силыч попросил, я говорю, пойдем, отстегну, а из-под пиджака
сапожный нож показываю. Он говорит — "так бы и сказал". На
Гопсосалке — одни бластные. Только они мой — со строгого, а ос-
тальные все — с общего.

Они не спали всю ночь. Баба сказала, что изголодавшись, и
Шило-старший еле сидел, не в силах взнуздать дрожь рук и все-
го тела. Но это еще и от бормотухи. Вчера — с ребятами, потом
с ней и еще три бомби — любого затрясет! Да еще — ночь с та-
ким зверем! Она теперь так и будет ходить. Еще бы! Уж он-то
знает, что им нужно. Главное, чтобы жена не проведала, а то
не проспавает. Не то, что он боится посадки, нет, он даже как-
то скучает по законам темной жизни. Там — проще. Но и на
воле охота. Оттуда — сюда. Отсюда — туда. Он никак не может
сосчитать, сколько всего отсидел. Первый раз еще пацаном, в
сорок втором. Так и пошло. Дальше — больше. А что, он вины
ват? Драть-то было нечего. Подкачать? Вот, кто как умел, так и
крутился.

Последняя ходка совсем за ерунду. По-глупому. Вместе с
сином освободились. Дома уже подымали. Катка, все такое. У
сына — баба. Не все же козлов долбить! Вечерком пошли в пив-
бар. Чтобы посидеть культурно. А там — нате! Три мента сиде-
ли и привязались. Чего надо? Бритые?

— Ну и бритые! Не люди?! — Из экспедиции! Им-то что?!
Офицеры сидели, авиаторы, так и то осадил, ребята, что вы к
мужикам привязались? Сидят себе тихо, никого не цепляют.

Ну, наверку — ничего. А вниз сошли, один на мусоров и
сыну пристал. Заволебал просто! Сын ему и влезал. Ну, и
понеслась! Они-то ментам до плеча не достают, а уж отмахали —
будьте-нате! Шило-старший кричит: вызывай давай подмогу —
вызвали. Еще четверо прилетели. Ну, скрутман, конечно. Двое
— на семерых, попробуй?! А на суде улизаться можно было! —
Семь бугаев сидят и жалуются — избили! Кто?! — Эти двое! —
Мать твою! Три года!

Ночная гостя сумбурно покидает обитель: срок снаряжать
в школу сына. Муж — "отбывает". Попробуй-ка все одной.

Шило-старший переходит к сюжету о полковнике, который
закрывал спину топчаном и придвигался к окну женского отделе-
ния бани. Блокируемый темнотой, созерцал молчику. Шило-стар-

ний поставлял на тележке уголь в котельную. Подвигаясь, замечал, что окна поочередно оказываются заслоненными топчаном. Зайдя в кочегарку, поделился недоумением с коллегами. — "А, да это поляковичи!" — заорали мужчины и выбросились на отлов чина. Вытащив его из-под укрытия, пригрозили уголовкой. Обложили данью. Подружились с общим застольем.

Первым из бригады появляется Душман. Он — бригадир. Ника на работу до срока — кеприя рулетки его гуляний: случилось проиграть в карты где-то здесь, на одном из островов: "там!" — акцентирует узбек неопределенность своего внедрения в ночной город на еще одну бессонную ночь.

Обычно Душман энергично вторгается в дургой под сурпризи "рабочего полдня". Первое — он материт мастера, чтобы пресесть официальности в вопросе опоздания. Второе — осуждает Аптеке на пиво. Третье — релаксирует на топчане.

Он женится не раньше тридцати, когда досита погуляет. Впрочем, тут и другое. Те, которые хотели бы за него выйти, ему "до фени", а те, на которых он бы женился, уже за него не пойдут.

Ничего, вот он получит путевую характеристику и — в плавание. Годная стижия! Снова появятся деньги. Друзья. Чувики. А, главное, — заграника!

Минуту, а может быть, час он смотрит на ее лицо, но не потому, что оно кажется красивым или безобразным. — просто смотрит, хотя это и не соответствует его принципам, всему поведению того человека, которым он себя считает.

Я понимаю его смитание, когда он терлется: "так кто же я?" и вновь как бы изучает черты подруги, на самом деле пытаюсь истерично накупать нити своих чувств, мыслей — всего, что было, — он помнит, это, кажется, было, — а осталось ли? Что-то произошло с ним. Он как будто переместился в другое, измодленного, дебильного человека. Это произошло за год. Да, год, как он в городе, и друзья говорят, не узнают его.

Может быть, внезапность превращенная ему только кажется? Может быть, ему на роду написано спитаться в этом городе? Может быть, это лишь период в его жизни, препятствие, которое необходимо преодолеть, в результате чего у него за плечами окажется серьезный опыт? Опыт ежедневного пьянства? Опыт неубе-

дительно залеченного триппера? Опыт пресытивших память драк, потаскух и бессмысленных затеаний?

Как это с ним случилось? Он не пил, занимаясь спортом, — любил. Как далеко теперь — любил! Школа, седьмой класс. Она — из ничего. Трудно поверить — двенадцать лет! Предложила дружить. Сама поцеловала. Все это... Нет, она оказалась девочкой. И он был мальчиком. Очень любил ее. Сколько раз они были вместе. Сколько раз мечтали о том, что поженятся, и у них родится сын.

И ведь лучший друг? Что его дернуло? Зачем? Ревновал? Да он и не любил ее. Завидовал? Во всяком случае, наболтал ей такого, что она и говорить с ним отказалась, когда увиделись, — мол, и шьет он со студентками, и спит с ними. Зачем? Не любил тогда ему морду, а почему? Потом, на свадьбе, врезал сбоку так, что тот ушел вместе со стулом. Ничего себе — свидетель! Невеста — та вообще убежала. А после ничего — сошлись. Друзья все-таки.

— Душман зевает, потягивается и думает, она проснется, но она так же спит, растворив губы, словно для поцелуя. Он думает, что нахнет у нее сейчас изо рта дурно и целовать ее не стоит. Вчерашнего лоска на веснушчатом лице не обнаруживается. Крупные поры на носу, даже угри. Короткий нос и массивный подбородок. Волосы — белые, но у корней — темные, что видает стремление приукрасить свой вид. Оба хорошо пропотели за ночь, и если Душману не противен собственный запах, то назойливый кислый дух женского тела ему не нравится. Вообще все оказывается недостойным его, ненастоящим: ее крашеная роза, волосы, лиф, содержание которого не соответствовало рекламе. Да и страсть ее — не к нему, — не к Душману, а к его члену, будто тот существует сам по себе.

Душман поднимает голову и встречается с таким же Душманом в зеркале. Лицо опухло, глаза заткнулись до щелочек. В зеркале умещается торс, и с обычным дружелюбием он осматривает свои плечи, бiceps, грудь. Да, он еще — ничего.

Душман зевает и, решив, что его утреннее возбуждение должно быть удовлетворено, откидывает одеяло. Она просыпается не сразу.

Нет, он, пожалуй, не любил ее. Да! — Какая там любовь в

таком возрасте! А потом? Была она? Была? Ему — двадцать три, и семь из тех, что у него были, — девочки, а других он не всех помнит. Конечно, не помнит. Девочки, они всегда плачут после этого. Плачут горько. Он утешал их. И относился к ним, вообще-то, нормально. Но ни к чему-такому их не приучал. Да и со шкурами Душман ничего такого не вытворяет, потому что просто не любит этих штучек, они и непонятны ему. Как можно после всяких извращений разговаривать с бабой, есть с ней за одним столом? Целоваться? Боже мой! На зоне, даже там, где люди потеряли все — все человеческое, — они петухов за общий стол не пускают.

После за Душманом прибывает его младший брат. Брюс Ли — не сотрудник, он — абитуриент, а наведывается для аккумуляции энергии после ночных бдений. Иногда транжирит свои ресурсы у торговли пивом, тоже где-то "там". Ночью в комнату стал комиться ее бывший муж, обитающий в той-же квартире. От ударов топора доски обнаружили прорехи. "Брось топор, я выйду", — гарантировал Амур. Запоздалый ревнивец исполнил ультиматум. Получивший некоторое представление о некоторых аспектах карате, Брюс Ли Линни чувств соперника и похмул принят. Он смеется: больше всего ее вдохновляли школьные брэнки. "Ты — школьник?" Уже — нет, летом кончил. "Не бросай меня, ладно?" Она просила и плакала, зарделась, а он, в общем-то, не понимает, чем так могут воздействовать форменные штаны — он их даже стесняется: джинсам порвал во время драки на танцах, едет нечего, вот и таскает, а так что же в этом замечательного, отчего полночи рыдать? Ему-то как раз было от чего-ахать и охать и ликовать: "Есть! Есть! Готово!" Она у него — первая. Блядь, пожалуй, в нравственности ее нет изъянов, все это стало ему понятно ранее, и он не закручивал себе мозги "женсь, женсь". В целом — приятно. Если совсем честно — здорово. Но это, — если искренне, а для друзей (не для себя!) — а-а-а! чего там — ничего особенного.

Третий визитер — Рыбак. Пунктир его сознания и также могу доверить своей руке.

Он хвастается карьерой. На участок пришел работягой. Потом — бригадир. После — освобожденный бригадир. Это — то же, что мастер, а по деньгам даже больше. В галстучке работа!

И — пошло: раз, другой. Заметили. Начальник говорит — прекращай! Добром не кончится! А ты разве думаешь? — Плевать! А теперь восемь рублей в получку: прогули. И куда их деть, как не пропить. Баба уже очумела. Двое детей — корми, а ты только от пьянки до пьянки.

А как путевое все начиналось? Школа, спорт. В пятнадцать — КИС по вольной. Армия — завод. Значки, грамоты. Недействительной вернулся, друзья отца все подготовили, поступай, говорят, в милицию, — батя пожизненно отбарабанил — и ты давай. Не хотел. Но куда денешься? Устроили в школу. Тренер по борьбе, после того, как с ним поспарринговал, сказал, — на тренировки больше не ходи — ни к чему. Я, мол, до пенсии хочу доработать. И ни о чем не беспокойся — все, что надо, понадеюсь.

Ну, в школе милиции еще ничего, а как приступил к дежурствам — все. Каждый день — на бровях. Хорошо, по-людски отпустили, без всяких там финек. Спасибо папани. После устроили начальником спасательной станции. Назар — с милицией не сравнишь! Золотое дно! Какие чудеса только не случались — сходило. Как-то один друг-попросия комплект на выходные — рьбу пострелять. И — пропал. Нет и нет. Как умер. А после из органов приходят. — Твой комплект? — Не мой. — А может быть, твой? — Нет. — Ладно, знаем, что твой. Забирай. Твой друг в Финляндию по делу уйти хотел, да финны вернули. Договор.

Все обошлось. Спасибо отцу. А подвела опять пьянка. — Наболтал по пьяной хаве то, чего и не делал, что, якобы, такими делами на своей спасалке-ворочаю, что никакому западному делаяму и не снилось. Вот, а друг тот крепко мне, видеть, позавидовал и долбил куда следует. Шум начался. Комиссии. Свидетели. Отпустили по собственному. Спасибо предку.

Я понимаю, что вчера он мог не заметить, как рыбалка подменилась гулялкой. Теперь ему необходимо стрелкнуть на пиво. В мешке — три рыбы. Зачем они ему? Рыбак топит в полиэтилене морду ботинка. Согнув ногу, вытягивает стопу, и мешок катапультирует в пруд. Рыбак шерит в карманах. Помытые папирсы еще годятся. Садится и закуривает. Все, кажется, не так уж скверно. Если бы не голова! Набралось вчера от души. На троих — восемь фаустов. Как ребята добрались? А, если честно, —

напявать!

Рыбак сплывает расплывшийся в плечах пиджак. Ребята говорят, что он похож в своем наряде на Олега Попова. А что делать, если нечего одеть? Напявать! Зато навешает любому! Был бы дохлак, так и пиджак бы не лопался! Во дворе его до сих пор зовут чемпионом. Восемь лет отдал вольной борьбе. Мало? Он и сейчас может выступить. Ну, не сразу, конечно, месяцев не курить, не бухать, — тренироваться. Уменьшить бег. Диета. Хотя, бес его знает, мотор может подвести, барахлит чего-то.

Дочка-то, поди, проснулась. — Рыбак поднимается и стряхивает брки. Направляется к причалу спасательной станции.

Девочка еще спит, а племянник курит, напряженно смотря в потолок. Ему душно в помещении и он развалился на топчане в одних плавках. Рыбак окидывает простертую фигуру. Да, крепкий! Сам он, пожалуй, был здоровее. Но это — в прошлом. А племян — молодец! И пластичен, и подкачен. И загорел хорошо. Да, вот тоже. Работаеть на себя, удовольствий себя лишаеть, не пьешь, не курить, пить раз в неделю — тренировки, а потом вдруг — бах! Что такое?! Все к черту! Почему? И, вроде бы, незаметно. А теперь вот сравниваешь себя с ним, парешь — в форме, а ты как размышляй какой, расплывся. Ничего, на него меня хватит. Да и на двоих как он.

Между тем меня приветствует Вторсырье. Я уверен в том, что кашель и удушье будут ее по-нескольку раз за ночь. А утром уж, как обряд, в четыре часа начинается пытка. Исходя слезами, она бьется горло и грудь, будто это может принести успокоение.

Мужу, конечно, хуже. Вторсырье всегда боялась этой болезни, и, может быть, избегнет ее, раз уж наградила Господь ее естмой, то, наверное, не даст ей то, что мужу, — рак. Ему обещали пронавестить чистку — станет легче, и уже скоро определят в стационар — он идет. И очень на них надеется.

Да, уж он-то когда проснется, — держись! Захаркает всю раковину. Потом спустит, конечно, горячим дождиком.

И с невесткой как назло неприятность — менингит. Ничего совершенно не понимает, бедная, от боли. Что говоришь с ней, что нет. И от больницы отказывается: как сына оставить? А у

самой глаза от боли черные.

Да и сын мужа, младший, в тяжёлом состоянии в больнице. Надо такому случиться! Человек погулять вышел! С женой, благородно. Встал в очередь за пивом. Жена - в булочную. Подходит к нему парень, говорит, надо помочь друга одного поднять - пьяный до невозможности. Сын-то мужа человек отрывчивый. Попел с тем. Действительно, лежит. Подошли. А тот вскопчи да как даст ему кирпичом по голове. И другой тоже. Сведи. Так избили! Профессор сказал, пластики специальные в черепной короб ставить придется, а то и говорить не сможет. Вот - люди! Это же беркуты какие-то!

8.00 - начало рабочего дня. Отсутствует бульдозерист - он должен ровнять прибрежное дно. Нет подъемного крана, который должен укладывать сваи.

Душман и Брюс Ли спят на топчане, Шило-старший и Рыбак допивают остатки зелья от минувших суток. Вторсырье вяжет.

13.00. Отобедав огурцом, луковницей и ломтем хлеба, но, впрочем, освоив пару стаканов "Веры Михайловны", ко мне подсаживается Фарадей:

- Попадешь ты, скажем, на строгий лет на пятнадцать. Ну, так что, начнешь суходрочкой заниматься? - помергивает. В правой руке бутылка, в левой - стакан, на периферии рта - папироса. - Наверное, нет? Присмотришь себе молодого, прикормишь, ну и оприходуешь. А есть такие, что приходят по таким делам, с ними разговор совсем простой. Одному - следянького, другому - по харе: это еще от зоны зависит - какой расклад. Есть, где на пидаров - дефицит, так они сами себе выбирают - сегодня хочу с этим, а завтра - с тем. Сейчас, я тебе честно скажу, порядок уже не тот - кое-где пидари даже мазу качать пытаются.

В окно виден Буян. Он сохраняет независимую походку, но голова его в ином ритме: он пытается выиснить через стекла - присутствует ли Панч? Я ошутимо представляю, как какой-то час назад он с ненавистью думал о своем праве на труд - желания встать не было и быть не могло. Он не хочет вообще ничего. Достаточно лежать вот так, уперев глаза в небо и верхние этажи напротив. За дверью - движение. Мать. Сейчас заглянет и скажет: "Симочек, вставай!" А симочку на себя страшно

взглянуть. Знает ли она это? Когда он смотрит на себя в зеркало, то, улыбаясь, обнажая рудименты зубов, представляет себя крутым гангстером, торгующим героином. А что у него? Все-го лишь "дурь". Косык — рубль.

Когда он смотрит на себя в зеркало, то видит, что жизнь у него в глазах мерцает так слабо, будто она уже не в нем, а где-то за затылком. И светит оттуда. Да. Буян. Его знает весь район. Да и по городу — тоже.

Растрянчивый начальничай, Аптека как-то скомбинировал капитал и возникает после обеда с бидоном. Аптека прописан в общежитии, поскольку мать после четвертого срока отказалась его прописать. У ребят из общежития он назанимал по мелочи кучу денег, которую никак не получается вернуть. Таким образом, появляться в казенном доме неудобно и, конечно, небезопасно.

Я вижу его прибежище на чердаке столь ясно, будто не только свидетель, но — герой: я — он.

Аптека спит под утреннее воркование птиц. Собственно, они и ночью издают заботливые звуки, ему это приятно, под легкий музыкальный фон его обволакивает сном, будто хоронит сугробом. Он наслаждается полудремой и созерцанием флакона с бутулином. Он тербит память и постепенно угадывает в интерьере военные предметы, убеждаясь в том, что он действительно в казарме, действительно офицер. Единственная неясность, пожалуй, в том, какой чин, до чего он все-таки дослужился за годы отваги и патриотизма? Впрочем, он не удосуживался проверить, на месте ли награды, поскольку убежден, что стоит ему шевельнуться, — и знаки почести призвонно встрепенутся, вдохновляя на перманентные геройства.

Птицы проснулись и озабоченно хлопочут. Аптека вскакивает и прыгает в стропилам, взметывая руки и будто дергающая. В ладонях оказывается голубь. Аптека фиксирует снизу голову двумя пальцами и резко как бы встряхивает градусник. В развилке пальцев последом зажимает голова, а туловище, чертя крыльями по предрассветному чердаку, кружится, потеряв управление. Аптека смеется удаче. Он несется к окну, разграфленному сеткой, и ловит еще одного голубя. Тот же эскзекуция, тот же смех. Аптека накупывает в кармане вентиль, берет ведро и

стремится к краю, который открывает и идет, когда небезопасно. Он опускает трупы в ведро. Поверхность воды украшается веером перьев. Аптека спускается по черной лестнице во двор и спешит в нежилому флигелю, который, дожидаясь капитального ремонта, представляет полую коробку. Аптека запалывает костерок и пристраивает "полуфабрикаты".

С испугом и иронией к нему взгляду противопоставлены развешенные в ушах разноцветные глаза. Марьяванна - тотально пьян. Я чувствую, как у него немеет левая рука. Конечность приобретает отстраненность, будто она не подчинена всему организму. Жизнь в сердце. До такой степени, что невозможно произвести полноценный вдох. Невозможно шевельнуться без боли.

Я физически ощущаю, как медленно, микроскопическими движениями Марьяванна опрокидывается на спину. Резь в спине. Он пытается увеличить амплитуду дыхания. Его заливают пот. Привычное состояние. Исторгает скептическую улыбку. Что делать, если ему досталось валяться в трипках с безумными рожами - формально подчиненной ему бригадой? Дегредированные алкоголики, они не знают, какой нынче день, не помнят года своего рождения, не интересуются судьбами своих детей. Впрочем, в будущем он несомненно превратится в подобного монстра. У него общее с ними стремление - напиться, чтобы скрыться от реальности в алкогольной эйфории. К тому же он сам - традиционный затравщик пьянки. После нескольких стаканов, мокрый как выдра, он валяется на топчан. Если бы не травмы головы, он, возможно, не хмелел бы так быстро и не терял бы рассудок.

Первая травма - падение в пятилетнем возрасте в бане. Тогда он ударился теменем о железную опору скамьи. Рана осталась незажившим пульсирующим помидором. Вторая - удар затылком о бетонные кольца канализационного колодца при падении с дощатого мостика переправы через ров. Это - взрослому. Но пьянке.

А как ему еще жить, если осталось-то лет десять, а то и меньше? Его даже в военкомате забраковали. Причем не только из-за головы. Еще - сердце. Испарина. Страх. Он очень боится смерти. И еще чего-то. Сам не знает, чего. Но не смерти. А, может быть, и ее, но только не той. Какой-то другой.

14.40. Душман с Брэксом Ли прощаются с коллективом. Були и Рибак откомандированы до следующего дня на доставку домой Шило-старшего. Я следую четвертым. Шило-старший как бы скептически. Коллеги фиксируют его под руки: старик вибрирует, словно газетный язык в разверстой форточке. Лиц его — героический.

15.15. Возвращаюсь. В стекло нетерпеливо тычется бульдозерист. Он — пьян. Врач не допустил его до работы. До обеда он утешал горе, а теперь готов на любой подвиг ради общего блага. Да, на мосту он опознал прораба, и тот обещал поставить день, если бульдозерист слегка расчистит дно в районе моста.

Марьявнина не возражает. Ответственность — на прорабе. — Бульдозерист и Аптека плакотно щерятся за витриной бульдозера, когда машина начинает сползать в глубину. Рабочие — лицом к берегу, и погружаются, не нарушая улыбки. Марьявнина провожает взглядом очеловеченную технику. Возникает прораб. "Кто за это ответит?" — "Не знаю", — как бы о неотносящемся к. ЧИ аспекте отвечает Марьявнина и приземляется в тени фургона. Рядом случается Фарадей.

— Ниряй! — толкает прораб Фарадея к воде.

— Я тебе! — замахивается Фарадей. — На коньках — 24 часа. А вплавь — только на мелководе.

— Я тебе поставлю, если вытацишь, — негромко сулит прораб. Фарадей замечивает обувь.

— А того нельзя делать! — сценическим шепотом обращается Марьявнина. — нас расстреляют.

Фарадей случит руками, производя внутренний спор: ему не решить — могут ли его обмануть или он на ком-то проедется?

Когда появление рабочих кажется невозможным, вибрирует бульдозерист. Он мыслится единственно уцелевшим, но вот выталкивается бутылка, рука, ее фиксирующая, и голова Аптеки.

— Ну, вы сегодня спасли жизнь и себе, и мне, — сообщает Марьявнина обсыкающим на солнце. — Я вас отпускаю домой.

Мастер удаляется вместе с рабочими.

16.50. — И ты еще?! — Душман ударяет мурыканщего котенка собой в голову. Животное шмякается о стену. Внезапность увещья не сразу осознается очевидцами и, видимо, зверем. Лишь мигавший глаз, он поводит разбитой мордой и бессмысленно топ-

чется на месте, пытаюсь скрыться. Составляющие бригады стараются не реагировать на событие. Я вспоминаю свою повесть о ПТУ, эпизод из союзной жизни, при котором я, впрочем, не присутствовал. Прошло десять лет. Сегодня я — хроникер. С улыбкой рекомендую Душману бросить животиное в Певку.

— Тебе его жалко? — Фарадей выбирает позицию.

— А если выплывет, я его еще дальше заброшу! — Душман производит метательное движение. — Побеждает сильнееший!

Душман рвет глазами пространство.

— Я его маму! Вы за меня пойдете? — На лице-тамбуре — стрези слез. Мы бежим мимо бассейна и ресторана. Фарадей хлопает под рукав столовый иск. Бригадир девочек-садоводов якобы обокрал Душмана. До этого он похищал деньги у подчиненных. — Сто двадцать рублей! На что жить?

Ему необходимо убедить себя в подлинности событий:

— Они били меня вчетвером... Мы зайдём, а ты держи дверь.

Пролог вивента — звучные удары по лицевой части. Я запрессовываю дверь фургона. Восклицания девочек, звон стекол, эффекты падения тел и предметов. Ориентируясь на это, я предполагаю, что противник — один, и убираю ногу. За порог цепляются окровавленные пальцы, появляется голова и торс оцепенённого бригадира. Он вывозит на себе вцепившихся в тело метателей. — Покинув помещение, группа разъединяется: Душман и Фарадей поднимают жертву, препятствуя подмигну. Душман оснащается деревянной лопатой для чистки снега и ошарашивает садовода по голове. Вивентарь расщепляется. Из фургона расправу визируют практиканты.

— Перестань, ты убьёшь его! — Мишень поднимается и бежит. Гончие настигают его у пивного ларька. Свидетели тактично отворачиваются.

— Я тебя удельнинским судом буду судить! — Фарадей падает вместе с объектом. В кадре — чешуя нога. Бригадир повергается на спину. Фарадей касается носом асфальта. Душмана прицеливают за руку пожимой гражданки сплывшейся наружности.

— Я — прокурор ждановского района. За что вы калечите человека? — Душман объясняет, обеспечивая второй фронт спонтан-

ними пытками.

— Кто меня будет кормить, ты? Давай деньги! — Душман захватывает прокурора за ладони.

— Тебе хватит на первое время десяти рублей? — Брис предъявляет купюру. Бригадир внадрывается в автобус.

— Оставь, дядя, свои деньги при себе! — Душман колбасит садовода кулаком по затылку. Фарадей столбенеет, запрокинув голову.

— Дурная кровь выходит, — маскирует он досадный пассаж. Автобус вздрагивает.

— Ты мне за это ответишь! — за задним стеклом расплывается, искаженное воплем, окровавленное лицо с заплывшими глазами.

22.20. На небережной стоит дом с башней. Когда извержение заката натягивает пурпурно-желтый экран, башня постепенно теряет свой цвет, превращаясь в контур. Я обращаюсь от Вен Гога к Куросаве, констатируя всепожирающую страсть выделить собственную индивидуальность. Осколки речи летят через реку и метеоритами вонзаются в мое сердце. Из меня как из фигур Мура бытие выкрадывает куски, и я каменею на берегу, осылая сквозные дыры. Мне необходимо кого-то увидеть, общаться — я не могу остаться один — я все же лирик — я закладываю дверь на топорище и валясь на топчан. Одни — по зову, другие — без спросу — меня оккупируют фантомы.

Мне все же необходимо воспрять и отвезти на путь. Заглядываю облик каждого смугла, предчувствую — вот-вот... но мрак враждебней — мне не на что уповать.

В эманации фонаря различаю нечто. Около кустов зашпидево брошено скрюченное тело. Приближаюсь. Аптека. Касаюсь ботинком. Тело в бешеном ритме начинает имитацию сексуальных пассаж. Окликаю. Аптека переворачивается. Лицо отпечатало рельеф гравия. Ухожу.

03.27. Пробуждаюсь от стука. Смотрю на часы. В дверях как отражение через рябь — пульсирует Аптека. "Тятя, тятя, наши сети..." — так струи несутся по стеклу электрички, как по его лицу. Голова трясется как центрифуга.

— Отходняк. — Различается среди конвульсий. — Пусти, пожалуйста.

Указывая на "девичью". Истрелив кони воды, гость исчезает в импровизированной раздевалке в конце фургона.

07.25. - Я всякие системы с девяти лет пью, - реанимирует Аптека за чаем. - А в семнадцать так нажрался, чувствую, сердце не ходит. Рукой мне - не слышно. Дома - один. Ну, думаю, все. Я за край стола ухватился и что было мочи грудью об угол - жак! И еще раз! И ведь как-зверь эту систему почувствовал. Застучало и затикало. Матка приходит: - Ты что такой бледный? - Я рассказываю. Она говорит, так ты себе сам закрытый массаж сердца обеспечишь. А вообще-то тебе скажу, я отличным спортсменом был: выполнил мастера по штанге. На меня вся улица обращивалась. Еще бы: одни мышцы. И все вот эта система. А как до аптеки докатился, тут - все, мне уже теперь не выбраться.

Учеток. Выбор.

Гуманизм Панча меня поражает. Он не увольняет рабочих, которых не появляются на участке по несколько месяцев. Первая неделя - это после аванса и получки - норма. "До-первых, - я жалею семью, во-вторых, ну, куда он денется? В третьих когда они пропьются, то выйдут на работу и будут работать так как мне надо. Где он сможет работать, если не здесь? У меня же - курорт! Я говорю так - от меня или в тюрьму или на тот свет! Другого пути нет!"

Особо отличившиеся по прогулам остаются с Панчем и Атаманом в фургоне, где с ними проводится идеологическая работа. Хрусталь "задвинул" около пяти месяцев. В объяснительной он поведался, что встретил женщину, они полюбили друг друга, уединились в Н-ской области, там он подрабывал на строительство свинарника, - и поэтому не мог случиться на основной работе..

"Им - все капуста, - а мне - тридцатник. Вот гады, или по статье А куда денешься?" - "А чего ты не обратилась куда следует?" - "Чтоб они меня на зону отправили? У них все схвачено". - "Так тебе что, табель за все дни поставили?" - "До одного".

Панч понимал стабильность треугольника. Первоначальный прораб отказывался от многих акций, и Панч предложил ему уволиться по собственному желанию, чтобы не портить зря документы. К этому времени с прорабом было составлено соответствующее мнение, написаны кое-какие служебные бумаги. Он сдался.

Атаман занял место прораба. Требовался третий.

Я чувствовал исследовательский взгляд Панча. Он любил заставлять людей подолгу ждать его аудиенции или назначить время, в которое сам оказывался в ином месте. С буддийским снисхождением я адал, когда кончатся его "разборки" с плассоставом и "работягами". Осенью я был переведен в Ульянку. Когда Панч с Атаманом приехали в мою вахту на "пруди", я понял: выбор сделан. Мне не оставалось шанса для отступления. "В тюрьму или на тот свет" — это не только смешно: у меня двое детей, жена с ними. Я похмал Атамана на якобы заочной шпани претензии персонала к моему статусу на участке. Утром я оставил в гарни заявление на увольнение.

— Он тебя не отпустит. Вот увидишь, он заставит тебя стать старшим мастером.

Ребенком я обожал имитировать смерть. Арзак подвига проник в мировоззрение как в организм вакцина во время профилактических инъекций против столбняка или полиомиелита. Стоя на берегу, я усматривал инерцию героизма в возвращении катеров. Как верный конь возвращает седока в свой стан, так теплоходы доставляют на участок капитанов, тряпичными куклами повисших на штурвалах. Препарированная в кранец резиновая покрывка как коровий нос в стойле вытеся в знакомый причал. Впечатление пустого кубрика. Однако, всмотревшись, я вроде бы опозан регалии на плечах штурманки. Впрочем, вещь может быть просто накинута на штурвал или сиденье. Я — не старший мастер, а тот же вахтенный по вагон-бытовке. Я отвечаю за сохранность катеров после сдачи ключей. Если флот не запаркован до определенного часа, я обязан доложить о ситуации диспетчеру. Мой спуск на причал может быть трактован глазами инкогнито как любопытство или должностное ревие. Но я остаюсь на берегу также ради любопытства, поскольку оказываюсь неким сторожем, размышляющим о том, почему сегодня, как и вчера, весь штат участка пьян, и к чему все это приведет, поскольку на других службах то же стремление к распаду, да и на остальных предприятиях, да и во всей державе. "Если даже пятьдесят процентов населения будут спиваться после 30/35 лет, то государству это существенно не повредит", — резюмирует Панч свое кредо,

в во мне зачинается мысль о том, что он - руководитель и коммунист - индифферентен к вырождению нации, а я (не знаю кто) я же, оказывается, готов протянуть руку чужим, в общем-то враждебным, людям.

XXXXXXXX

XXXXXXXX

XXXXXXXX

АНДРЕЙ С Р

*****

КУЛЬТЮХОД В МАХАТЕНК

- Друзья, внимание! В ходу следования
постарайтесь соблюдать строгий порядок
колонны

Не растягивайтесь, не набегайте, на пятерки
в пятерку не переходите, просьба не
разговаривать и по сторонам не оглядываться,

руки держать только назад!

Шаг вправо, шаг влево -

считается побег, конной

открывает огонь б е з

предупреждения!

Направляющий, шагом марш!

.....

мой желтый мозг.

Дождь идет. Осень. Пасмурно.

Темно. ..

Кто-то упал. Больше не шевелится.

Приказал долго жить. Откинул сапоги.

меня зовут.

Я не иду. Я нецензурно выговариваю:

"Так. Все хорошо. ..

Жена есть, квартира есть,

работа есть,

деньги есть,

друзья есть,

вино есть,

телевизор есть,

книга есть, -

Соли нет."

...

Трудно не
Стать
Идиотом
Играя
Всю жизнь
В Т Е А Т Р Е АБСУРДА.

.....

К Л Б Ц М А

В дирекции - холуй.
В отделе - хэм, диктатор.
В делах - подлец.
В науке - прохвандей.
В душе, которой нет, - инструктор новатор.
В страстях и дружбе - опереточный злодей.

Фигура есть. Очки на месте.
Немного б совести и чести.

Доцент в изгаженных пеленках,
Сонарь в пенсне и бабкин сын,
Он вырожденья знаки носит
Под грустным обликом своим.

...

Брий Андреев
*****

ПИСЬМО ОТКРЫТОЕ И ПОКАЯННОЕ

Дмитрию Пригову, Владимиру Сорокину, Виктору Брэфеву, московским литераторам, дружно опорожнившим свой толстый творческий выщечник в помещении Клуба-81 на улице Петра Лаврова, 5 в городе Ленинграде.

Любезные Дмитрий, Владимир и Виктор!

Примите это послание как знак истосердечного раскаяния по поводу моего выступления в заключение. Вешего вечера у нас! Я глубоко и болезненно-искренне осознал: оно было косным по мысли и безнадежно прямолинейным по форме. Конечно, психоаналитически меня можно было тогда понять: ушкляканный запехом изобильных фекальных подробностей в Ваших творениях, я предложил Вашу творческую группу назвать коротко и для всех ясно: "За кал". Более того, оторванный в нашем провинциальном далеке от столь животрепещущей для Вас проблемы сексуальных аномалий, я высказался в том духе даже (после того, как идют и гомосексуалист. Нова откусил секатором голову жене лирического альтер-эго Вити Брэфева), что Вашу группу можно назвать и "Топор гомосека". И уж совсем невыносимо груб я был, когда к Вашим, чисто словесным, конечно же, изыскам стал придирааться с якобы существующей в них идеологической стороны: достойно ли дескать трепать в этой зловошной грязи такие слова, как родина, революция и т.п.... "Абсолютно-вне политики", - как вы терпеливо объясняли мне в индивидуальной беседе и неоднократно указывали на это аудитории. Так для чего же мне было придирааться к заключительной фразе рассказа о жизни с идютом, которая звучала так: "Это была лебединая песня моей революции"? Ясно, что это абстрактная работа с различными словесными слоями, а идеология здесь совершенно не при чем. Я утверждал тогда, что выступление Ваше - провокация против Клуба-81, а что касается

Вас, то вырази сожаление: на что, дескать, тратите свое единственное достоинство, свою жизнь...

И что ужасно: ведь не один такой я пленец был в той аудитории! Сейчас неловко даже вспоминать, как некто, ехидно назвавшийся фотографом, спросил у Вас: эстетично ли будет ему фотографировать задницу во время испражнений? И хорошо, что достойно и по существу ответил тогда ему Володя Эрль: если Вы способны сфотографировать этот акт профессионально, то, конечно же, снимайте: ведь в блистательных французских фильмах встречаются сцены и покрепче! И, конечно же, хорошо, что искусствовед Шерер объяснил и мне, и этому недоучке-фотографу, что искусство без каких бы то ни было ограничений должно писать все, что угодно, и о чем угодно...

Так вот, дорогие, я понял, что не о Вас нужно сожалеть, а обо мне и других подобных мне ретроградах! И понял это я, и открыл глаза потоку ослепительной истины, и прозрел до конца дней моих, когда после чтений Ваших вернулся ночью домой и осмыслил слова вразумительные, произнесенные на диспуте Витей Кривулиным и Мишей Бергом. В том-то и беда, что Витя и Миша говорили тогда тихо, безэмоционально, сожалевши всей душой и непосвященным, и их великая истина дошла до меня не сразу: задним умом крепек русский мужик, Вы уж меня простите! Зато когда ему втемлянется в башку какая блажь, то уж никаким топором ее оттуда не вырубить!.. Так вот что я теперь, после робких и огорчительных их речей познал и уразумел до конца дней своих: борьба со штемпями, стереотипными сознаниями, всякого рода застывшими клише нашего сознания... должна вестись непрерывно и правде-всего посредством литературы. В этом отношении Кривулин сравнивал Вашу работу с трудами Рюбле, Шекспира и Гоголя, а Миша хорошо и достойно объяснил и мне, и всем, что матерщина (инвектива, как изящно подправил его Витя) есть нечто вроде катарсиса: она дает возможность вздрогнуть человеку и очиститься. Теперь-то я буду знать, сколь очищен и возвышен душой завсегдаган пивных баров и подворотен!... (Правда, пока я еще до конца не понял, почему и Витя, и Миша в собственных произведениях не матерятся и мужеложество не исповедуют... Им что, катарсис не требуется?)

И вот, мои дорогие, без счета повздрыгивая на Вашем чтении, я о ч и с т и л с я! Теперь я из трамваев не буду за шиворот выставлять любителей инвектив: они не хулиганы, они — очиваются! Я Ваш, мои родные! Я с вами!

И, при более того, как человек, имеющий некоторый литературный и житейский опыт, я хотел бы не просто поддержать Вас всемерно, но даже предложить Вам дальнейшее развитие Ваших же принципов!

Прежде всего, Вам необходимо более последовательно, смело и энергично разбивать и разбивать главные штампы нашей жизни.

Вориснут, прекрасное-де это жизнь!.. Нет! Прекрасное — это мертвечина! Это гниль! Это сирад!

Вы, конечно же, и так уже немало сделали для утверждения этого своего основного постулата, но все же следует идти до конца, иначе новообращенные зададут Вам вопрос: а где же Ваша подлинная смелость, если Вы совсем уж мелкую малость, которая отделяет Вас от желанного абсолюта, робеете против? Получается совсем как у Володи Сережника, герои которого выкрасили себя мелниовой краской, члены свои половые — золотой, а вот головки-то членов недокрасили. Нехорошо, непоследовательно!.. Новаторство — так новаторство до конца! Правда, Юрий Новиков, выступая на диспуте, уныло вещал, что Ваша эстетика тривиальна, что она есть повторение того, что исповедуют уже отошедшие на Западе панки. Тем более следует двигаться вперед, до конца. Знай наших!

Да, конечно, кое в чем Вы уже оставили эти жалкие недоносков — панков: Вы катаете женские тела по загаженному ковру (извините, пока еще не смею употреблять Вашу терминологию, но ведь не безнадёжен же я, и когда во имя разрушения штампов первым делом обрнусь я к Вам, как порадуетесь, как воскликнете! Ведь это будет Вам мед на сердце — извините, дерьмо в рот, никак не перестроюсь!). Да, конечно, Вы мастерски высмеиваете и взламываете этот массовый штамп-предрассудок, упрятавшийся в словечко "родина". Да, Вы здорово вытаскиваете за ухо на белый свет всех тех, кто в косности своей возмущен израильской оккупацией и зверствами израиль-

ской женщины на оккупированных арабских землях: возмущу неподражаем Пригов, когда издевательски бормочет о том, что распоясались—де и кричат, и кричат эти израильяне, и перемахает выкрики свои пенем на "Ивана Сусанина" насчет того, "когда взойдешь, моя зоря...".

Нет, это у Вас в самом деле здорово получается. В основном все идет нормально по линии новаторства и полной стерильности от какой бы то ни было идеологии.

Или вот, когда Дима начинает упрежнения с предложениями вокруг слова "убиенный", когда завизжает: "перематубиенный, завосубиенный, матпереубиенный" и т.д. — это здорово, это действительно по-новаторски. Разумеется, зоицы всегда могут найтись, придраться и вспомнить, что в кинофильме "Никаких проблем" это уже было, когда папа, его любовница и его дети целый день возят в багажнике автомобиля труп, а потом эти—кают его в снег и с веселой песенкой водят вокруг трупа коровод, припевая "Никаких проблем!". Экзистенциализм — голый человек на голой Земле, и никаких проблем, и никакой идеологии! Ну, да что нам обращать внимание на этих зоилов.

Все равно Вы пошли дальше каких-то там художничков французов XX века! Разве им, тонконогим, подняться до Вашего смеха над выкобленными после-аборта женским "пустым пузом", которое у Вас так оригинально сравнивается с новобращем! А разве эти хляпки способны в словах "новых" и "новейших" романах нарастить такой языковой пера, как, например, "дрочился, пуская слюну"? А разве те пресловутые западные новаторы способны так-то проникновенно описать томление одного мужчины, — когда он вдруг, моясь в ванной, увидел... как бы — это сказать... все-таки еще не дозрел я до инвенктив... короче говоря, возможности другого мужчины, да еще идиота?

Нет, по линии мертвечины как антиитета у Вас, в основном, все в порядке, что у Пригова, что у Сорокина, что у Брофеева.

Но вот по линии изобразительных средств — тут еще есть куда двигаться!

Конечно, когда Дима Пригов с истерическим воплем "Засранцы!", закатив глаза, начал тереться спиной о печку и

опускаться к полу, это впечатливо, и когда он стал выть: "А-а! Я, бедненький, глупенький Павлик Морозов, с глазками бледненькими, мертвенькими, за что Вы меня, за что", - конечно, это было мастерское разрушение обветшавшего клише о "слезе ребенка", но, все же, скажу, как новый и ярый Ваш поклонник, не все возможности, не все Вы использовали! Вот, когда мастерски обозначив звучу дерьма в рассказе Зови и в своих интермедиях, Дима начал тоненько тянуть с полным пониманием необходимой тональности: "П-у-у - П-у-у - Пушкин", я подумал: неужели же эти же звуки так-то трудно подобному мастеру было бы исполнить в натуральном виде! Две-три тарелки гороха с ветчиной незадолго перед чтением, да еще для лучшего брожения в кашечнике стакан-другой сладкого киселя (долгой клише повсюду, в том числе и в питании!), и выдавай свои "П-у-у" в сколь угодно количестве! Зовь поедет? - усомнитесь Вы. Не бойтесь! Смелее! Вдребезги все штампы без исключений! Кое-что иное может вылететь еще из задницы? (Виноват, никак не дозрею до инвентивы!) Так ведь Володя Зря уже доказал, что подобные-то возможности именно-то и расширяют границы подлинной, новаторской, современной художественности!

И еще о безбрежных волниту Ваших перспективах: конечно, Ваше полное единство в употреблении образовательных средств (каждый метрится многообразно), Ваш глубокий искренний интерес к экзистенции (каждый показывает человека как низшую точку падения живой природы), Ваше неприятие мифологем бытового сознания (родина, любовь, защита слабых и т. д.) - все это рождает впечатление ансамбля.

Но почему Вы лишь декларируете (хотя и с весьма похвальным подъемом), что Вы "были худые, веселые мужчины с развороченными задками"? Почему бы Вам не совершить втроем акт коллективного соития прямо перед публикой? Ваша слава сразу бы стала всемирной!

Объясняю: в американском шоу "О, Калькутта!" прямо на сцене спариваются персонажи разнополюые. Английские новаторы ставят фарс по "Мастеру и Маргарите" М. Булгакова, где случка

происходит прямо на сцене, но опять-таки посредством ре-
нополик новаторов. Представляете, реализовав сердцевину
своих творений прямо на сцене, Вы посрамите любящих панков,
и отныне и признаю термин "Трисореро" навеки войдет во все
мировые энциклопедии модернизма и авангардизма!

Мой восторг по поводу Ваших возможностей рисует мне
еще более новаторские сцены! Почему Вы только декларируете
в качестве высшей красоты смешение дерьма, крови и молодёжи?
Это можно воплотить в акт высокого искусства тут же перед
зрителями, в том числе и перед девушками и детьми, которым
пока Вы все это лишь столь влхоженно читали! Эх!.. - как
учил идлот Вова, - а если всю эту новацию переснять шпел-
ктивками на всех языках? Эх!... Вот уж тут-то все зомби, ко-
торые твердят: это лишь зады массовой коммерческой культу-
ры, - будут посрамлены, а теоретики освобождения жизни и
искусства от влище, Кризулин, Эрль, Берг и Шерер получают
полную кучу эстетического удовлетворения..

Но - "Э-н"! , но - "Засрацми", но, как бы это сказать, -
"Э-ное!.." Пределов движению в искусстве нет! И вот мы чи-
таем, что в Италии борцы со штампами уже пошли еще дальше:
на сцене они застрелили подлинную лошадь и тут же ее обод-
рали, вывернув на радость публике навоз из ее потрохов!

Не беспокойтесь, мыши! У Вас-то есть выход, который
способен привести Вас к абсолютному мировому рекорду на все
времена в искусстве мертвечины. Вы и только вы, "худые весе-
лые мужчины с развороченными задками", - способные публично
отодрать друг друга, могли бы публично пристрелить не какую-
то там лошадь, а пострелять секатором головы друг-другу! И
уверю Вас, что это будет наилучшее разрушение штампа, что
с теми, кто исповедует мертвечину, а на деле с-удовольствием
пользуется всеми благами жизни, - с этим штампом будет покон-
чено во всяком случае.

Вперед, ребятаки! Смелее! Уж я-то от души буду анимиро-
вать этому Вашему спектаклю. Давать целеустремленность! Давать
неразрывное единство теории и практики!.. Либо же и это то-
же штамп, который подлежит разрушению?..

Мать вашу так!.. Довел все же,
вещь окончательно вялая!

Правильно я прощавсь, ребятаки, по-вашему?

oo

АЛЕКСАНДР БАРАН

ГОГОЛЬ ВО ДВОРИКЕ — плечи понурив.
А на скамеечке рядом — ханурик ..
в этой же позе, с бутылкой пивка.
Вечер. Темно. Поддувает. Тоска.
Счас он в свою коммуналку почесет,
там ему морду супруга неистит,
дети-зайки напустят в штанишки.....
Ну, а пока — еще два-три глотка.
Не сожалей о сожженном, писатель!
Нет в нашем доме ни окон, ни петель —
в смысле дверных, а других — пруд пруди...
В общем, как в песне — сиди, не гляди...
Тройка твоя у хмельного отдела
бьется с врагами за правое дело,
но уминается в зад воронка. —
Вечер. Темно. Поддувает. Тоска.

МАЯКОВСКИЙ

К "Ленину" — задом, а в "Софии" передом
стоит, урча, и поедает поедом,
сжигая шторм знаменитым взглядом,
прямо с подносов — фирменные блюда.
Еще бы в бильярд сыграть, в картанки,
машинистку подержать за титьки,
да и в турне с каким-нибудь арабом —
скататься тоже было бы не слабо... —
А надо тут стоять! Не ради славы
/хотя и не без этого/ а для
престижа государственного, бля, —
уж если стал бушпритом корабля,
то не вертись налево и направо!

ДУМЫ И НАБЛЮДЕНИЯ^{х)}

На помойке всех мух не переловишь.

Есть народы великие, есть народы многочисленные.

Всячески поддерживая, всячески и будешь вознагражден.

Возглавляя одобряй,

Одобряя возглавляй.

...Очень многое зависит от доверия к человеку. Товарищ с Урала приводит на поминках такой пример.

Некоего Л. в качестве эксперимента повысили до старшего. Не фурччит.

Выдвинули замом. Не фурччит.

... В качестве эксперимента сразу утвердили Главным. - И сразу же зафурччил, заподметал, задавал инициативой, проявил личность. И был уволен за превышение власти.

Говорят, нужно развивать демократию. А как? Думаю только путем постоянного и массового тренажа. Например, выпускать или не выпускать в свет книгу т. Усольцева "Арматура любви"? Всем раздать книгу, всюду обсудить - в газетах, на собраниях, съездах, в кулуарах. Собирать отзывы, проводить голосования и такне и такне, то есть тайные и открытые. И пионеров и ДосААФ, и ветеранов - всех вовлечь. Не навязывать решение вопроса, а прислушиваться, не спускать директивы, а пробуждать сознания. Груздев /сентехнар/, например, увиливает - найти и заставить высказаться.

х) Мы продолжаем публикацию "Дум и наблюдений" О. Пивнока, поскольку Пивнок продолжает думать и наблюдать. /См. "ТЖ" № 1/.

"Да нужна мне эта "Арматура" как дыра в голове!" "Прекрасно, Груздев! Значит, против. А вы, ребята?" "Да что мы офанерали что ли — мы еще на физиологии!" "Значит, воздерживаетесь!" Вот так. Чтобы не решать без спроса. Но до противности вылезать. Чтобы гвалт пошел. Заявился, например, активист в подрядную бригаду: "Ну, как, строители, насчет "Арматуры"?.. — чтобы его сразу же начали мантулить. Потому ходить надо с нарядом милиции или дружин. Брать подножку: пока не продумаешь свое отношение к "Арматуре", отпуск не оформлять. И пеня какие-нибудь пусть растут. А потом дисквалификация. Удар по тринадцатой зарплате. На доску: "Они позорят наш коллектив".

С некоторыми серьезно придется поработать: "Ты что, сука, саботируешь! А?" В пример Груздева приводить: человек, можно сказать, не просит, а мнение свое, однако же, имеет". Некоторые, конечно, в отказ. Их отыскивать и проверять по всем статьям. Некоторые, конечно, против демократии. Их наказывать. Другие, возможно, "за", но ненормальные. Их лечить. Но уже после эксперимента. Когда фактов накопилось, хоть пруд пруди, когда тренаж уже завершен, демократия усвоена. Передовики ее выявлены.

В чем суть постоянства государства? А вот в чем. Набрасываешь карикатуру, а при сличении оказывается не карикатура, а копия. Верно, говорят, копия, а потому и карикатура. Ну, а где эта... (да не хватайте за руки, вы что, спланировать не умеете!) а где эта обыкновенная метка-правда? ...

И происходит, как говорят пожарники, самовозгорание, самовозгорание спора, прерываемого лишь вследствие пераутомления, и возобновляемого по мере освежения сил. Одна часть наших ближних утверждает: без лакировки нам не достичь действительности, поскольку она все время прогрессирует и потому:

- 1) грязное белье не развешивать, а не развешивая, складывать на склад;
- 2) на склад же посторонних не допускать;
- 3) сор не демонстрировать, — заметать под шкаф.

С этим не соглашаются другие ближние. Они спрашивают, должны ли мы все время ходить, да закрашивать родимые пятна

передатков! Можно все оставить как есть: белье не менять, мусор не заметать.

Все, в чем мы нуждаемся, так это в оптимистическом сознании. С О З Н А Н И Е!

Помните, еще когда-то фильм, фильм буржуазный, эрго пустяковый, но пелась там песенка с замечательными словами: "и в снегу я вижу цветы". Вижу цветы - и баста. Никакой лакировки! Никаких подкрашиваний! Краску беречь, склады не строить. Всех этих почтенных и нечинящих "маляров" осудить и уволить. Главное СОЗНАНИЕ! А это значит, нужны учителя оптимистического сознания. Звести в штаты. Платить аккордно. Скалькулируйте с краской - и получится. Я уже наброски делал - впечатляющая окупемость. Опять повторяю: СОЗНАНИЕ. Оттепель, весна в СОЗНАНИИ. Все время поздравлять. С успехом смеяться. С радостью доложить. Рапортовать от всего сердца. Заготовить бланки: "От всего сердца благодарю..." "Никогда не забуду вашего..." ... Ставить свою фамилию - и все. И никаких ~~х~~ забот. Пришел в контору - никаких забот. Ушел из конторы - никаких забот. Пришел домой, не пришел домой - никаких забот. Оптимизм! Пусть склады разваливаются. Не в этом счастье. Счастье - в борьбе с пессимизмом. Что такое пессимизм - это скрытая война против нашего счастья. За ложку дегтя судить. И нагонять. А оптимисты пусть в мягких вагонах ездят. Это заслуженный оптимизм. Для поощрения создать фонд. Все за счет продажи той же, ставшей ненужной краски, а сейчас она в дефиците. Еще хочу раз особо подчеркнуть: о с о б о г о п о о щ р е н и я заслуживают неукротимые борцы с пессимизмом. Это золотой и валютный фонд. Создать впечатляющее произведение на тему: "и в снегу я вижу цветы". Детский хор и взрослый хор. Усилить группу духовых. Два органа. Колокола и, в финале, предусмотреть салют. Из ста двадцатимиллиметровых орудий .....

Однако, задевшись вопросом, как определить ту мысль, которая мечется подобно мыши в поисках наилучшего постановления. Как определить ее, неуемную, вопрошающую, а что же там - за лаково-красочной поверхностью? Что там на затаверенных старым бельем складах? Какая радость двигает размышления, например,

мой, скромного гражданства, поверх определяемых кругом служебных обязанностей и семейной галimatей? Эта мысль — патристическая. Не будь она патристической — гори тогда все огнем истинным. Итак, там, где мы выходим на большую дорогу крупно-масштабной мысли, там и патристизм, там — бьется пульс общественности и государственности.

Что же различает государственность и общественность? Государственность — мышление отцовско-материнское, умеряемое — степенью удаленности от высшей власти; общественность — мышление сыновско-дочернее, умеряемое по мере роста в должностно-обладательном аспекте. Государственный человек, наблюдая явления, протекающей коллективной жизни, разлагает их на заслуживающие поощрения и подлежащие наказанию; общественный человек жалуется и капризничает, требует и претендует, и в то же время старается, старается так, как если бы его повышали и награждали. Государственность — служба и дневное дело, общественность — игра и вечернее занятие. Потому они не встречаются. Если и встречаются в метро, то где-то в районе пяти-шести-семи часов, следуя в разных направлениях. Общественность в искусстве — фольклор, государственность — преимущественно — изваяния. Среди общественников встречаются иногда люди поседевшие и умудренные. Но как это ни странно, ни один общественник пока еще не умер. Это объясняется малым возрастом нашей общественности.

Когда спрашивают, что же лучше, что важнее и перспективнее? Государственность или общественность? — Каждый отвечает правильно, когда говорит с похвалой о том положении, которое занимает. Положительные эмоции укрепляют человека.

На вопрос, все ли родители, все ли дети высококачественны? Нет, отвечаем. Родины имеющие антипрогрессивный характер, не достойны почитания. Настоящие родины прогрессивны. Они всюду замещают то, что может пригодиться для своего развития. Они идут впереди среди других родин, не уступая им первого места. Лучшая родина — знаменосец. Про других этого не скажешь. Поэтому логично, что лучшие дети других непрогрессивных родин стараются умственно перебежать на нашу сторону. Худшие — остаются на старом месте. Отсталые и без вынужденного мышления, они пребывают в глупых иллюзиях, будто бы всеобра-

ние может заменить наглядный мир. Нельзя считать себя гражданином вселенной, если не знаешь, что паразитию, что вторично. Что присуще, что не присуще. Они не уважают великих ученик, а слушаются каких-то жалких преподавателей, которых пруд пруди. Преподаватели не благообразны.

Однако, вернемся к патриотизму.

Патриотизм бывает духовный и физический. Одна дама уехала в европее и сообщила, что, оставив здесь дорогих родителей, там она обрела "духовную родину". Другая дама тоже уехала примерно в одно и то же время и из того же административно-хозяйственного центра, но сообщила, что при жизни физически там, духовная ее родина осталась здесь. И в том, и в другом случае возникают неудобства. Но патриотизм — категория антигедонистическая. Обиватель же не имеет родины, ибо пребывает среди товаров.

Все мы кормимся со стола тяжелой промышленности. Чем больше от нее отходов, тем больше товаров для человека.

Иногда я четко вижу неше будущее: а в будущем, как известно, завал товаров. Мы прямо ходим по каким-то соломенным шляпам, кожаным табуреткам, граммофонным пластинкам. Вот собачьи ошейники, которые некогда всюду разбрасывал и не нашел, а теперь, бесплатно, они загораживают въезд на мост. Вот герр Пакуля, с повражденными дождем обложками. Вот "жигули", а какими-то старухами, которые так и не сумели выбраться из машин, и их много лет кормят прямо на месте люди в белых халатах из громадных фургонов. Фургоны развозят повсюду, вываливая мешки с картофелем, арбузы, увальни сыров... Рекатичные грифы барабанят клювами каракулевым зубам, рассчитывая добыть из-под шкуры порченую беременную. Вот прошел человек, некогда работавший в бюро по распределению жилой площади. Теперь он ничего не распределяет — целые улицы пустых домов. Какие-то бродяги жгут костры из стержней газет в коллах, в магистральни-канализациях родители разбрасывают своих детей. Иногда раздаются автоматные очереди. Иногда кто-то пролетает над головой, не то на зонтыке, не то на воздушном шаре змее. И, дит воздух в нар проржавевших трубах, идущих из неизвестно где расположенного компрессора. Никак не могу преодолеть гору пуговиц —

они ощущаются под ногами, и я снова съезжаю вниз на рулоны нераспакованного пеласа. Вижу одного господина, который хочет выбраться из под-штебеля ружнейшк-контрабасов. Всплывают знакомые, которые что-то ищут. У меня такое ощущение, что они похожи на тронувшихся умом крыс, пытающихся найти в нашем мире страхины... Я прижму в себя и трещаю пальцами щек. Они, после мечтаний, всегда влажны от слез. Образ общественного сознания, подобного гигантскому универсаму, убил меня своей унылой трагедией. И я стал умеренным идеалистом.

*****

*****

*****

СМЕРТЬ АМБРОЗИНИОГО ПОД ПАРУСОМ

Вотзелем по бемперу!
Гумпелем по брамселю!
Эх, не допели мы песню аксуу!
Эх, недопели мы бочку - другуу!
Ихуна на маче расплелась к муу.
Ухнуло джло. Стихло и штиль.
Крыси сограли базаду и сыр.
Крыси сограли передний муцдир.
Ищот дураску на дне комендир...
Булькает боцман. Резаются акули.
Что-то меня на дно потянуло.
Чем-то протыкаем под ребра колынуло,
Чем-то тяжелым по лбу седенуло...
Я спускаюсь на дно океана.
В легких вода холодней чем из крана.
Рыба-пила отпилила мне руку,
Два осьминога приклеились к брюху.
Мрак, Нивого. Ни слуху ни духу...

Кренделем по тренделю,
Етемпелем по дещбелю,
Генделем по менделю,
Бренделем по шпенцелю.
Ордеиом по морделью.
Умер Амброзиний,
Амбразиний умер.
Умер, умер, утонул.
Утонул и умер...

.....

Вуди Аллен

Космарные времена

пер с англ. М.Х.

Да, я готов признать свою вину, это я, Уиллард Погребин, человек интеллигентный и когда-то подававший надежды, стрелял в президента Соединенных Штатов. К счастью для присутствующих кто-то из толпы зевая вынул у меня из рук "люгер" и пуля, отскочив от рекламы сэндвичей застряла в кончике магазина Колбасные Куцы Химмельштейна. После легкой потасовки несколько фебээршников скрутили мою трахею в бараний рог и усмирённого меня увезли на обследование.

Вы спросите как я докатился до такого, я, который всегда был далек от политики и с детства лелеял мечту играть на виолончели Мендельсона и еще, может быть, проехать на пуантах в крупнейших столицах мира? Так вот, все началось два года назад. Медкомиссия признала меня непригодным к военной службе, что было результатом проводившихся на мне без моего ведома научных экспериментов. Точнее, некоторых из нас кормили кареными цинклятами, нафаршированными лизургиновой кислотой, в соответствии с научно-исследовательской программой по определению количества ЛСД, которое способен съесть человек, до того как попытается взоржнуть над зданием Центра мировой торговли. Разработка секретного оружия представляет огромное значение для Пентагона, и поэтому в меня пульнули иглой с лекарством, после чего я обликом и речью стал походить на Сальвадора Дали. Кумулятивные побочные эффекты сделали свое черное дело и когда я уже не мог отличить своего брата Морриса от двух яиц всмятку, меня списали.

Лечение электрошоком в госпитале подействовало благотворно, хотя провода перепутались с проводами лаборатории психологии поведения и я вместе с командой шимпанзе разыграл "Вишневый Сад" на чисто русском языке. Помню, что после выписки подавленный и одинокий я направлялся автостопом на запад, и меня подхватили два коренных калифорнца, обворожительный молодой человек с бородой Распутина и немалая обворожительная девушка с бородой Свенгали. Они рассказали, что переписывают Каббалу на пергамент, но запасы крови у них кончились, и я как раз то, что им нужно. Я пытался объяснить, что направляюсь в Голливуд, чтобы честно зарабатывать на жизнь, но их проникновенные глаза и нос размером с весло, убедили меня в искренности их побуждений. Помню, что меня привезли на какое-то заброшенное ранчо, где юные загипнотизированные девушки накормили меня растительной пищей, а потом попытались паяльником запечатлеть у меня на лбу пентаграмму. Затем я присутствовал на черной мессе, где какие-то подростки в капюшонах кричали по латыни "Эге-ге". Помню еще, что меня заставляли принимать наркотики и кокаин и есть какую-то белую дрянь, получаемую из вареного кактуса, после чего голова моя закружилась как радар. Дальнейшие подробности я упустил, но совершенно определенно, что мой ум зашел за разум, так как спустя два месяца я был арестован в Беверли Хиллз за попытку сочетаться браком с устрицей.

После того, как меня отпустили из полицейского участка, я возмел страстное желание обрести внутренний покой и сохранить хоть какие-то останки здоровой психики. Не раз на улице ярые сектанты призывали меня искать религиозное спасение вместе с преподобным Чжоу Бел Динном луноликим обворожителем сочетавшим учение Лао Цзы, с мудростью лозунгов предвыборной компании. Эстет, отвергающий всякую собственность, превышающую состояние Рокфеллера, преподобный Дин объяснил две скромные цели. Одна из них заключалась в том, чтобы последователи его поняли истинное значение молитвы, поста и братства, а вторая в ведении религиозной войны против стран НАТО. Посетив несколько служб, я заметил, что ис-

точник успеха Преподобного состоит в тупом поклонении ему, а при недостаточном проявлении религиозного рвения, он недовольно поднимал брови. Когда я сказал, что по-моему, этот мошенник с манер величия пытается превратить своих последователей в идиотов, это было воспринято как критика. Меня тут же, прихватив за нижнюю губу, увели в какую-то божевественную обитель, где приспешники Преподобного, похожие на борцов Сумо, предложили мне в течение нескольких недель, не оталекаясь на хлеб и воду, пересмотреть свою точку зрения. Чтобы подчеркнуть как их расстроило мое поведение, они промассировали своими кулаками мою физиономию. Но иронии судьбы я не сошел с ума только потому, что повторял свою собственную мантру, состоящую из слова "Ом". В конце концов, меня схватил ужас и я начал бредить. Помню, что мне принадлежало гуляющий по Ковент-Гардену Франкенштейн, рядом с которым катился на лыжах пирожок.

Через четыре недели я очнулся в больнице, чувствуя себя превосходно, если не считать нескольких синяков и твердой уверенности, что я Игорь Стравинский. Я узнал, что на Преподобного Дина подал в суд пятнадцатилетний Махариси с целью выяснения кто из них есть Бог, а следовательно имеет право бесплатно ходить в вино. Но их вопрос решил полицейский отряд по борьбе с мошенничеством после того, как оба гуру были пойманы на границе, направляясь в Цирвану, в Мексике.

К этому времени здоровый физически, я обрел эмоциональную уравновешенность Каллигулы, и, надеясь восстановить пошатнувшуюся полжику, записался в программу ДУП, душеизлечение Перлеметтера, по имени оборотистельного основателя этого лечения Густава Перлеметтера. Перлеметтер был когда-то джазовым саксофонистом, игравшим в стиле бигбэн и позднее пришел в психотерапию, но его метод привлекал многих кинозвезд, утверждавших, что ДУП изменил их гораздо серьезнее и эффективнее, чем даже гороскопы в "Космополитэн".

Группу невротиков, большая часть которых уже отказалась от обычного курса лечения, вывели на живописный сельский курорт. Конечно, колючая проволока и доberman-пинчеры должны

были внушить мне подозрение, но служители Перлемюттера за-
верили нас, что крики, которые мы слышали — это самая началь-
ная стадия. После того, как мы просидели на стульях с жест-
кими спинками в течение трех суток, наше недовольство посте-
пенно улеглось, после чего Перлемюттер стал зачитывать нам-
отрывки из "Мари Кемпф". Спустя некоторое время стало поня-
тно, что он абсолютный психопат, все лечение которого заклю-
чалось в призывах не падать духом.

Некоторые совсем разочарованные решили уйти, но их по-
стиг тяжелый удар, когда выяснилось, что через ограду пущен
электрический ток. Хотя Перлемюттер утверждал, что он вра-
чеватель разума, я заметил, что ему позванивает Ясир Арафат,
и если бы не приехали на помощь агенты Симона Визенталя,
трудно сказать, что могло бы случиться.

Приобретя в ходе событий нервное расстройство и цинич-
ное отношение к жизни я поселился в Сан-Франциско, зарабаты-
вая деньги единственным оставшимся мне способом — занимаясь
антиправительственно пропагандой в Беркли и информируя СБР.
В течение нескольких месяцев я продавал и перепродавал све-
дения федеральным агентам, главным образом, о планах ЦРУ по
проверке нездоровых настроений среди жителей Нью-Йорка после
добавки в водопровод цианистого калия. Это, да
еще предложение писать диалоги для порнофильмов, позволяло
мне кое-как сводить концы с концами. Как-то вечером, когда
я открыл дверь, чтобы выкинуть мусор, на меня из темноты вы-
скочили два типа и нахлобучив мне на голову чехол для мебели —
запихали в багажник автомобиля. Помню, что меня чем-то уке-
лоли и прежде чем потерять сознание, я слышал как они гово-
рили, что я по весу что-то среднее между Патрицией Херст и
профсоюзными лидерами. Очнувшись я в каком-то темном чулане и
провел там три недели безо всяких внешних раздражителей. По-
том меня развлекали специалисты, а два парня распевали мне
песни в стиле "кантри" после чего я был готов сделать все,
что угодно. Не могу ручаться за последовательность дальней-
ших событий, что было вероятно результатом обработки, но
после меня привели в комнату, где президент Джеральд Форд по-
жал мне руку и попросил оказать ему услугу, — сопроводить
его в поездке по стране, а иногда стрелять мимо него без про-

маха. Он сказал, что это позволит ему проявить свою отвагу и ответить от выпуска генеральных постановлений, к которым он еще не совсем подготовлен. В том состоянии я был готов на все. А через два дня и произошел этот инцидент у магазина Колбасные Куцы Химмельштейна.

////////////////////

*****

Начальнику Пушкинского
дома от гражданина читателя.

Дорогой товарищ! Ваш Дом многое сделал для того, чтобы воздать славу нашим замечательным сочинителям от Пушкина до Суркова. Слов нет, дело Ваше благородное. Но до тех пор, пока не снят лозунг: "Учиться у классиков!", нужно решительно критиковать в их наследстве то, что подраззано не подлежит. Незначительная величина ошибок классиков общеизвестна. Но все-таки ограничиваться только одной строчкой Александра Сергеевича /"слыкали ль вы?" / как это делает В.Колкер / нельзя. Ниже я приведу пример еще одной ошибки.

Всем нам известно доброе имя Василия Ивановича Жуковского. Все дети нашей страны вот уже сто пятьдесят лет заучивали:

Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет. --
Где же ты птичка,
Где ж ты певчиха?
В дальнем крае,
Гнездышко въя,
Песни пою.

Мы с Вами знаем, что так называемые перелетные птицы вьют гнезда, вступают в брачные пары и выводят потомство только в северных широтах. Так не бывает: пчуга прилетела на Север, свила гнездо, снесла яички и вывела птенцов, потом полетела на Юг, там снова гнездо вьет. Ошибка Василия Ивановича объяснима, но зачем же умножать следствия ее в веках. Я не нашел во всей многочисленной печатной продукции указания на эту вопиющую зоологическую несообразность. Я не предлагаю изъять стихотворение Жуковского из библиотек. Не нужно еще более загромаждать закрытые фонды. Пусть наши дети читают, но с четким разъяснением сути заблуждения местного поэта.

В методологических разработках для учителей русского языка и литературы следовало бы указать на пользу сочинений под рубрикой "Найди ошибку у классика". Такого рода сочинения воспитывали бы у учащихся критическое отношение к авторитетам, чувство собственного достоинства и стремление в будущем разоблачать все виды и формы очковирательства и халтуры.

С приветом

Читатель.

.....

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКАЕТСЯ

<u>Владимир Шинкарев</u> , Митьки, /продолжение. Начало см. №1 / ...	81
<u>Александр Платонов</u> , стихи.....	31
<u>Петр Кожевников</u> , Тёплая акватория	32
<u>Андрей Эр</u> , стихи	51
<u>Вадим Войнов</u> , Клейма	53
<u>Лрий Андреев</u> , Письмо открытое и покаянное	54
<u>Александр Бараш</u> /стихи	60
<u>Опанас Цывнюк</u> , Думы и наблюдения	61
<u>Николай Амброзивный</u> , Смерть Амброзивного, стихи	67
<u>Вуди Аллен</u> , Кошмарные времена, пер с англ. М.Х., ...	68
Начальнику Пушкинского Дома /письмо/.....	72

oooooooooooooooooooo